Автограф
B165
518

В165 518

Е. Д. Сташевскій.

КЪ ВОПРОСУ О ТОМЪ, КОГДА И ПОЧЕМУ ВОЗНИКЛИ „ЧЕТИ"?

(Очеркъ изъ исторіи Московскихъ приказовъ).

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акц. О-ва печ. и изд. дѣла
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. д. № 6.
1908.

B165
518

Е. Д. Ташевскій.

Отъ автора.
17 II 1911 г.
Москва.

КЪ ВОПРОСУ О ТОМЪ, КОГДА И ПОЧЕМУ ВОЗНИКЛИ „ЧЕТИ"?

(Очеркъ изъ исторіи Московскихъ приказовъ).

1722/

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акц. О-ва печ. и изд. дѣла
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. д. № 6.
1908.

Печатано по опредѣленію Правленія Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1908 годъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

497762

Къ вопросу о томъ, когда и почему возникли „чети"?

(Историографическій очеркъ, читанный въ засѣданіи Историко-Этнографическаго Кружка при Университетѣ Св. Владиміра).

Точная исторія приказной системы Московскаго Государства за время до воцаренія дома Романовыхъ, какъ еще замѣтилъ Н. П. Лихачевъ,—камень преткновенія для историковъ. Причина трудности изслѣдованія, главнымъ образомъ, заключается въ маломъ количествѣ дошедшихъ до насъ документовъ 15 и 16 в.в. Съ другой стороны, давно уже было замѣчено, что „приказы не были созданіемъ творческаго ума отдѣльной личности, не перенесены съ бумаги въ дѣйствительность, а составляли продуктъ историческаго хода государственной жизни; приказы росли, какъ сама Москва, какъ кривыя улицы историческаго города раскинулись они и своей запутанностью смущаютъ изслѣдователя" [1]. Вотъ почему такъ трудна, съ одной стороны, систематизація приказовъ [2]), съ другой, вопросъ о происхожденіи того или другого приказа.

Въ послѣднемъ случаѣ едва-ли не самымъ темнымъ является вопросъ о происхожденіи „четвертей". Со времени Карамзина и до нашихъ дней этотъ вопросъ такъ или иначе дебатируется и разрѣшается въ нашей ученой литературѣ. По данному вопросу мы имѣемъ не одну гипотезу. Большое количество ихъ зависитъ также и отъ

[1]) Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки 16 в., стр. 4.

[2]) Объ этомъ см., напр., Неволина Полное Собр. Соч., т. VI. стр. 144; В. О. Ключевскаго, Курсъ Русской Ист., ч. 2. стр. 435 и вообще всѣхъ излагавшихъ исторію приказной системы.

того, что до послѣдняго времени неумѣло ставили самый вопросъ, не были выработаны методологическіе пріемы въ постановкѣ его. Въ самомъ дѣлѣ, если оффиціальные документы, сохранившіеся отъ 16 в., не говорятъ ничего опредѣленнаго о томъ, когда и какъ возникли чети, то естественно было подойти къ этому вопросу, раскрывъ само понятіе четвертей: опредѣливъ кругъ ихъ вѣдомства, наконецъ, тѣ цѣли, осуществленіе которыхъ было на нихъ возложено.

Документы въ этомъ случаѣ не молчатъ и теперь мы знаемъ, что въ „четвертяхъ“ вѣдались, такъ называемые, четвертные доходы, или сборы, имѣющіе мѣстный характеръ, по классификаціи Чечулина, т. е. данные и оброчные деньги [1]).

Они—главная статья четвертей, не даромъ потомъ они стали называться „четвертными“. Съ другой стороны, безспорно и назначеніе четей, состоящее въ томъ, „чтобы содержать извѣстное число служилыхъ людей годовымъ жалованьемъ изъ фонда, образуемаго путемъ взноса указанныхъ выше податныхъ платежей *непосредственно* въ четверти подлежащими податному обложенію лицами и общинами“, области которыхъ расписаны для этой цѣли между четвертями [2]).

Такимъ образомъ, безъ уясненія сущности четвертей нельзя болѣе или менѣе правильно подходить къ вопросу о времени ихъ происхожденія. Кромѣ того, при разрѣшеніи этого послѣдняго вопроса, постоянно приходится имѣть въ виду и то, что „четверти“ не остаются разъ навсегда установившимся, опредѣленными учрежденіями. Онѣ имѣютъ свою исторію въ смыслѣ постепеннаго развитія. Потому нельзя всю совокупность чертъ и признаковъ *сложившихся* четвертей, именно четвертей 17 в., переносить на четверти конца 16 в., когда замѣтно лишь ихъ сформированіе. Въ это время четверти называются еще по имени дьяковъ, ими управляющихъ (позднѣе онѣ носятъ уже названіе мѣстное)—такъ мы имѣемъ: четь дьяка Андрея Щелкалова (впервые упоминается въ 1580 г.), четь Василія Щелкалова (упом. въ 1579 г.), четь дьяка Дружины Петелина (1589, 1590, но можетъ быть и ранѣе), четь дьяка Елизара

---

[1]) Чечулинъ, Города Моск. госуд въ XVI в., стр. 187.

[2]) С. Ѳ. Платоновъ. Статьи по Русск. Ист., стр. 171.

Вылузгина (1598 г.)[1]). Области еще точно не распредѣлены между четвертями, наоборотъ, они переходятъ отъ одного четвертного дьяка въ завѣдываніе другого. Иногда даже само правительство точно не знаетъ, въ какомъ приказѣ на данный годъ будетъ вѣдаться тотъ или другой городъ или область[2]). Рядомъ съ этимъ не опредѣленъ вполнѣ и кругъ вѣдомства четвертей. Нѣкоторыя области, по справедливому замѣчанію проф. Середонина, были подвѣдомственны четвертямъ всѣми своими сборами: данными, оброчными, таможенными и т. п.; эти области обращались въ четверти также по судебнымъ и административнымъ вопросамъ (слѣдовательно, четверти въ это время были не только финансовыми учрежденіями); съ другихъ же городовъ и уѣздовъ въ четверти поступали только опредѣленные сборы, обыкновенно: данныя за намѣстничъ кормъ, присудныя подати же ямскія и полоняничныя, таможенныя съ этихъ городовъ поступали въ Большой приходъ[3]).

Все это нужно имѣть въ виду при изслѣдованіи времени и способа возникновенія четвертей. Это—простое методологическое требованіе. Между тѣмъ, зачастую замѣчается пренебреженіе имъ, и въ нашей литературѣ высказывались, какъ увидимъ сейчасъ, мнѣнія о происхожденіи четвертей, безъ уясненія ихъ сущности и значенія.

1. Отожествленіе четвертей съ четырьмя главными приказами—Посольскимъ, Помѣстнымъ, Разряднымъ, Казанскаго Дворца. (Карамзинъ, Соловьевъ, И. Д. Бѣляевъ, Н. П. Загоскинъ, В. О. Ключевскій, Н. П. Лихачевъ).

Этотъ упрекъ особенно приложимъ къ той группѣ писателей, которая, начиная съ Карамзина, отожествляла Четверти съ приказами Посольскимъ, Помѣстнымъ, Разряднымъ, Казанскаго Дворца.

---

[1]) Четь Василія Щелкалова впервые упом. подъ 1579 г. въ Каширской писц. книгѣ 1578—79 гг. Писц. Кн. XVI в. подъ ред. Калачова, Отд. 2-ое, стр. 1305. Обыкновенно допускаютъ, что Четверть Андрея Щелкалова вошла въ составъ образовавшейся впослѣдствіи Новгородской Четверти, Четверть Вас. Щелкалова—Галицкой, Четверть Дружины Петелина—Устюжской, Четверть Елизара Вылузгина—Костромской. Что касается чети Дружины Петелина, то можно предположить, что первое о ней упоминаніе относится уже къ 1576 г. См. Торопецкую Уставную Грамоту 7099 г. Чтенія М. Общ. Ист. и Др. 1902 г. Кн. 2-ая, стр. 353.

[2]) Акты, собр. граф. Уваровой, изданы подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, № 86.

[3]) С. М. Середонинъ. Соч. Джильса Флетчера, кк. истор. источникъ, стр. 260.

Впервые это мнѣніе было высказано Карамзинымъ, который писалъ: „главные приказы, или Чети, именовались Посольскимъ, Разряднымъ, Помѣстнымъ, Казанскимъ: первый особенно вѣдалъ дѣла внѣшнія или дипломатическія, второй воинскія, третій земли, розданныя чиновникамъ и дѣтямъ боярскимъ за ихъ службу, четвертый дѣла царства Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и всѣхъ городовъ Волжскихъ; первые три приказа, сверхъ означенныхъ должностей, также занимались и расправою областныхъ городовъ“ [1]).

Того же самого мнѣнія держался С. М. Соловьевъ, когда онъ писалъ: „Для управленія дѣлами внѣшними и внутренними существовали приказы и нѣкоторые изъ нихъ носятъ названіе Четвертей или четей: первый—Посольскій, находившійся въ вѣдѣніи думнаго дьяка Андрея Щелкалова, получавшаго 100 р. жалованья; второй—Разрядный, во вѣдѣніи Василія Щелкалова, за котораго управлялъ Сапунъ Абрамовъ, жалованье и здѣсь было тоже—100 р.; третій—Помѣстный, въ вѣдѣніи думнаго дьяка Елизара Вылузгина, получавшаго 500 р. жалованья; четвертый—Казанскаго Дворца, въ вѣдѣніи думнаго дьяка Дружины Пантелѣева, человѣка замѣчательнаго по уму и расторопности; онъ получалъ 150 р. въ годъ. Въ царскихъ грамотахъ четверти называются по имени дьяковъ, ими управлявшихъ, напр.: „Четверть дьяка нашего Василія Щелкалова“ [2]).

Затѣмъ, это мнѣніе было принято И. Д. Бѣляевымъ, Н. П. Загоскинымъ, который говорилъ: „по крайней мѣрѣ въ 1588 г., какъ свидѣтельствуетъ Флетчеръ, уже было 4 думныхъ дьяка, входившихъ въ составъ Думы Боярской и вмѣстѣ съ тѣмъ находившихся во главѣ управленія четырьмя четвертями того времени—Разрядомъ (Вас. Щелкаловъ), Посольскимъ приказомъ (Андрей Щелкаловъ), Помѣстнымъ (Елизаръ Вылузгинъ) и Казанскимъ Дворцомъ (Дружина Пантелѣевъ)... *Это свидѣтельство Флетчера съ математической точностью подтверждается отечественными источниками*“ [3]).

Того же самого мнѣнія держится и проф. В. О. Ключевскій и Н. П. Лихачевъ [4]). Ключевскій къ тому же даетъ попытку объяс-

---

[1]) Н. М. Карамзинъ. Т. IX, стр. 262.

[2]) С. М. Соловьевъ. Ист. Рос. Изд. Тов. Общ. Пользы. т. VII, глава IV, стр. 633.

[3]) Н. П. Загоскинъ. Исторія Права Моск. Госуд., томъ 2, вып. 1-й. Дума боярская. Изд. 1879 г., стр. 42, 47—48.

[4]) Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI в., стр. 75.

ненія и самаго страннаго названія этихъ приказовъ „четями“: „самое названіе четей, говоритъ онъ, какое носили приказы Посольскій, Помѣстный, Разрядный и Казанскаго Дворца въ концѣ XVI в., мы объясняемъ въ смыслѣ четырехъ частей или отдѣленій думской канцеляріи“, изъ которой и выдѣлились указанные приказы [1]).

Къ какимъ выводамъ приводило указанное отожествленіе всего лучше можно видѣть на примѣрѣ Бѣляева, который, повторивъ (со ссылкой на Флетчера), что приказы Посольскій, Помѣстный, Разрядный и Казанскаго Дворца составляли 4 четверти и назывались ими, на страницѣ 503 говоритъ: „Кромѣ исчисленныхъ приказовъ, въ дошедшихъ до насъ разныхъ памятникахъ, упоминаются приказы подъ названіями—Новгородской чети, Владимірской чети, Галицкой чети, Костромской, Устюжской. Когда учреждены эти приказы—подлинно неизвѣстно; но они уже встрѣчаются въ оффиціальныхъ бумагахъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича. Этимъ приказамъ были подчинены области: Новгородская, Владимірская, Костромская, Галицкая, Устюжская; въ нихъ собирались и всѣ доходы этихъ областей, и присылались всѣ отчеты тамошнихъ воеводъ и намѣстниковъ“ [2]).

Такимъ образомъ, въ изложеніи исторіи четвертей выходила страшная путаница. Не замѣтивъ, что четверти 16 в., носящія названіе именъ дьяковъ, стоятъ въ генетической связи съ четями 17 в. (Галицкой, Устюжской и т. д.), съ другой стороны, отожествленіемъ Четвертей 16 в. съ приказами (Посольскимъ, Помѣстнымъ, Разряднымъ, Казанскаго Дворца) уничтоживъ для себя возможность видѣть генетическую связь между учрежденіями мало общаго другъ съ другомъ имѣющими, изслѣдователи должны были признать, что „учрежденіе Четвертей для нихъ доподлинно неизвѣстно“. Указанная группа писателей основывала свое мнѣніе, какъ то уже было видно выше, на свидѣтельствѣ Флетчера.

Въ настоящее время благодаря трудамъ г.г. Милюкова и Середонина съ полной убѣдительностью доказано, что Флетчеръ не называлъ Посольскаго, Помѣстнаго, Разряднаго, Казанскаго Дворца приказовъ Четвертями, а названы они такъ только явно по ошибкѣ въ русскомъ переводѣ. Флетчеръ писалъ, напр., „первая четверть

---

[1]) В. О. Ключевскій. Боярская Дума. Изд. 2-ое, стр. 403.

[2]) И. Д. Бѣляевъ. Лекціи по Ист. Русск. Законод. 1879 г. Стр. 498–500, 503.

носитъ названіе Посольской Четверти или области (юрисдикціи) Посольскаго приказа, и въ настоящее время ею завѣдуетъ главный секретарь (думный дьякъ) и начальникъ Посольскаго приказа Андрей Щелкаловъ", а переводилось, и къ сожалѣнію до сихъ поръ переводится [1]), это мѣсто такъ: „Первая Четверть или тетрархія называется Посольской Четвертью или приказомъ Посольскимъ и находится въ настоящее время" и т. д. Слѣдовательно, Флетчеръ говорилъ только, „что съ вѣдѣніемъ каждаго изъ этихъ (Посольскаго, Помѣстнаго, Разряднаго, Казанскаго Дворца) приказовъ соединено также управленіе Четвертой частью Россіи; Флетчеръ полагаетъ, что каждая Четверть приписана, присоединена къ одному изъ этихъ приказовъ" [2]). Въ такомъ одновременномъ управленіи различными приказами однимъ дьякомъ (думнымъ) ничего удивительнаго нѣтъ, это случалось сплошь и рядомъ.

Для насъ важно во всемъ этомъ то, что теорія отожествленія Четвертей съ четырьмя приказами, или теорія объясненія четвертей, какъ отдѣленій думской канцеляріи, основана на ошибочномъ русскомъ переводѣ Флетчера.

Теорія эта полезна тѣмъ, что анализъ ошибочности ея приводитъ къ твердому положенію: Четверти (XVI в.), какъ учрежденія,— отличны отъ главныхъ приказовъ Посольскаго, Помѣстнаго, Разряднаго, Казанскаго Дворца, но — управлявшіяся одними и

II. Теорія Областнаго происхожденія Четвертей. (Неволинъ, Кавелинъ, Владимірскій-Будановъ, Сергѣевичъ, Филипповъ, Градовскій, Лаппо-Данилевскій).

Неволинымъ было положено начало новому пониманію Четвертей. Кладя въ основу предложеннаго имъ раздѣленія приказовъ широту сферы ихъ дѣйствія, онъ различалъ приказы, „завѣдывающіе извѣстнымъ родомъ дѣлъ во *всемъ* вообще государствѣ, или по крайней мѣрѣ въ значительной части его", и приказы, „имѣвшіе въ своемъ владѣніи только *опредѣленную часть* государства". Первые по его терминологіи—„общіе приказы" (къ нимъ относятся, въ томъ числѣ, Посольскій, Разрядный, Помѣстный), вторые—„приказы осо-

[1]) Флетчеръ. О Государствѣ Русскомъ. Изданіе Суворина 1905 года. Стр. 36.

[2]) П. Милюковъ. Государств. хоз. Россіи XVIII в. Изд. 2-ое, стр. 21, прим. 1-ое. С. М. Середонинъ. Opus cit., стр. 247—249.

бенные", или, какъ можно ихъ еще назвать, приказы „областные", называвшіеся по областямъ, которыми они завѣдывали. Къ числу послѣднихъ онъ относилъ Нижегородскую четь (стоящую въ генетической связи съ четью дьяка Щелкалова), Устюжскую (въ связи съ четью дьяка Дружины Петелина, а потомъ дьяка Вахрамѣева), Костромскую, Галицкую, Владимірскую и Казанскій приказъ.

Появленіе этихъ послѣднихъ объясняется, говоритъ онъ, тѣмъ фактомъ, „что Государи Московскіе, присоединяя къ своимъ владѣніямъ какую-нибудь особенную область, оставляли вообще прежнее въ ней управленіе и только учреждали для завѣдыванія дѣлами ея особенное управленіе въ Москвѣ, или, собственно говоря, только *переносили существовавшее въ ней главное правительство въ Москву*".

Такъ возникли Четверти; что касается времени ихъ возникновенія, то оно относится къ Іоанну III, которому „по нѣкоторымъ извѣстіямъ прямо приписывается раздѣленіе тогдашней Россіи на три части, подъ названіемъ третей: Владимірской, Новгородской, Рязанской, и образованіе для каждой изъ этихъ частей отдѣльнаго приказа подъ тѣмъ же названіемъ трети. Когда при Іоаннѣ IV образовалось четыре такихъ отдѣльныхъ управленій, то названіе трети замѣнено было названіемъ Четверти" [1]).

Эта точка зрѣнія можетъ быть названа теоріей *областнаго* происхожденія четвертей; ее мы находимъ еще у Кавелина, а изъ современныхъ ученыхъ ея придерживаются проф. Владимірскій-Будановъ, Сергѣевичъ, Филипповъ [2]).

---

[1]) Неволинъ. Собр. соч. т. VI стр. 125, 143—181.

[2]) К. Кавелинъ. Собр. соч. Часть I, стр. 69—70. Четвертные приказы „состояли подъ вѣдомствомъ Государственнаго Посольскаго приказа и управляли цѣлыми областями и царствами, подвластными московскому государю... Они учреждались, вѣроятно, по мѣрѣ присоединенія этихъ областей и царствъ къ Россіи".

М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ Ист. Рус. Права. изд. 2 стр. 179. „При присоединеніи удѣловъ къ Москвѣ, ихъ центральныя учрежденія (дворы) переносились въ Москву, сохраняя за собою тотъ-же районъ вѣдомства. Такимъ образомъ въ Москвѣ возникли учрежденія, мѣстныя по району дѣятельности и центральныя по степени власти, а именно сначала три (т. н. трети), а затѣмъ 4, отчего приказы названы четвертями,—которыхъ въ XVII в. образовалось уже 5 и даже присоединена 6-ая (новая)... Изъ нихъ Нижегородская извѣстна со времени Іоанна IV и т. д. См. также В. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по древней Ист. Рус. Права изд. 3, стр. 276 и А. Н. Филиппова.

Нѣсколько иное освѣщеніе указанная теорія получила въ трудахъ Градовскаго и Лаппо-Данилевскаго.

Градовскій разсматриваетъ вопросъ объ образованіи Четвертей въ связи съ ходомъ централизаціи въ Московскомъ государствѣ. По его схемѣ въ исторіи послѣдней „должно различать три существенныхъ момента". Во-первыхъ, Московское государство сосредоточило въ Москвѣ власть высшаго управленія, въ томъ видѣ, какъ она принадлежала удѣльнымъ князьямъ и верховнымъ городамъ. Въ этотъ періодъ Москва только замѣнила своими приказами прежнее удѣльное управленіе. Въ эту эпоху основы прежняго управленія, построеннаго на земскихъ началахъ, не потерпѣли существеннаго измѣненія: земская община и система кормленій остались нетронутыми. Второй моментъ соотвѣтствуетъ стремленію правительства ослабить значеніе мѣстнаго управленія, путемъ выдѣленія въ пользу Московскихъ приказовъ разныхъ отраслей управленія. Высшее развитіе этой политики совпадаетъ съ окончательнымъ закрѣпленіемъ сословій, необходимость дать каждому изъ нихъ особое управленіе въ Москвѣ и наростаніе новыхъ государственныхъ задачъ, которыя не входили въ *сферу прежняго удѣльнаго управленія и замѣнившихъ его Четвертей*, опредѣляютъ развитіе централизаціи въ третій и послѣдній моментъ... Четверти, какъ учрежденія, и соотвѣтствуютъ потребностямъ Московской централизаціи въ первый моментъ ея развитія.

Такимъ образомъ, Четверти, какъ областные приказы, „возникшіе очень рано подъ вліяніемъ уничтоженія удѣловъ и присоединенія къ Россіи разныхъ царствъ и государствъ, замѣнившіе собою высшее правительство этихъ удѣловъ и областей", являются по схемѣ Градовскаго промежуточнымъ моментомъ между существованіемъ древнѣйшихъ дворцовыхъ и возникновеніемъ позднѣйшихъ центральныхъ обще-государственныхъ приказовъ.

Областные приказы Градовскаго, какъ вѣрно замѣтилъ П. Милюковъ [1]), являются механической замѣной „прежняго удѣльнаго правленія" до времени пока явится управленіе органическое; они состав-

---

Учебникъ Ист. Рус. Права 1907 г. ч. I, стр. 479, гдѣ авторъ, разбирая нѣкоторыя изъ высказанныхъ по вопросу о происхожденіи четвертей мнѣнія, въ концѣ концовъ считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе проф. М. Владимірскаго-Буданова.

[1]) П. Милюковъ. Opus. cit. стр. 28. Примѣчаніе.

ляютъ, такимъ образомъ, переходъ отъ государства вотчиннаго къ государству сословному".

Это значеніе Четвертей, какъ переходного момента въ исторіи Московской централизаціи, и важно для Градовскаго, въ рамкахъ этой схемы и разсматривается вопросъ о происхожденіи Четвертей, въ рѣшеніи котораго—Градовскій, какъ мы видѣли, примыкаетъ къ Неволину [1]).

Схематичностью отличается изложеніе вопроса и у другого изъ указанныхъ ученыхъ, именно, Лаппо-Данилевскаго. Финансовая организація Московскаго государства, по мнѣнію Лаппо-Данилевскаго, представляется, какъ послѣдовательное примѣненіе сначала „вотчиннаго" принципа распредѣленія поступленій, затѣмъ „территоріально-сословнаго", наконецъ принципа „Систематизаціи".

„Присоединеніе цѣлой области *съ ея особенностями* ставило *малоокрѣпшее* правительство, говоритъ авторъ, въ невозможность опредѣлить ея отношенія къ уже существующимъ центральнымъ учрежденіямъ и естественно порождало образованіе новаго учрежденія, *областной чети*, которой подлежала новая область".

Такимъ образомъ, областныя чети служили проявленіемъ втораго изъ указанныхъ принциповъ—территоріально-сословнаго". Возникновеніе ихъ объясняется присоединеніемъ къ Москвѣ цѣлыхъ обособленныхъ областей, находившихся (послѣ присоединенія) долгое время не „въ органическомъ соподчиненіи съ главнымъ центромъ, а въ механическомъ сосуществованіи съ нимъ".

Компетенція возникшихъ такимъ путемъ Четей обусловливалась сначала всей совокупностью функцій, отправленіе которыхъ лежало на старомъ удѣльномъ управленіи области, теперь вошедшей въ составъ Московскаго государства, прежнимъ-же территоріальнымъ дѣленіемъ обусловливается и предѣлъ вѣдомства областной Чети.

Таково возникновеніе и первоначальная судьба областныхъ Четей. „Но если областная Четь въ прежнее время, по характеру своему могла соотвѣтствовать своему наименованію, то въ XVII в., во всякомъ случаѣ, утеряла это значеніе въ двухъ отношеніяхъ: территоріальный характеръ областной Чети ограничился сословнымъ (точнѣе: класснымъ, разряднымъ), что придало ей характеръ учреж-

---

[1]) А. Градовскій. Общественные классы въ Россіи до Петра I. Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г., часть CXXXIX, стр. 91—98.

денія съ вѣдомствомъ болѣе спеціальнаго характера; не все населеніе данной области, а только одна его часть, тяглые, а не служилые люди были ей подвѣдомственны въ судебномъ и финансовомъ отношеніи. Это отношеніе повлекло за собою новое измѣненіе; Четь, сдѣлавшись центромъ, вѣдомство котораго было ограничено однимъ тяглымъ классомъ данной области, получила назначеніе, главнымъ образомъ, финансоваго учрежденія. Такое значеніе сглаживало прежнее территоріальное дѣленіе, сперва опредѣлявшее предѣлы вѣдомства областной Чети, тѣмъ болѣе, что это значеніе успѣло ослабѣть подъ вліяніемъ сословныхъ ограниченій. Тогда-то подвѣдомственность города (съ уѣздомъ) стала опредѣляться не только его принадлежностью къ извѣстной области, но и размѣрами, и свойствами получаемыхъ съ него доходовъ, тогда едва-ли не главной задачей Четей стало взиманіе податей, которыя по поступленіи своемъ въ Четь, переходили изъ нея въ центральныя учрежденія болѣе спеціальнаго, административнаго характера"... Однимъ словомъ, „областная Четь становилась казной, изъ которой правительство черпало средства на покрытіе важнѣйшихъ государственныхъ расходовъ... Впрочемъ, территоріальный характеръ областныхъ Четей не могъ сгладиться окончательно до самаго конца ихъ существованія".

Конечный выводъ автора таковъ: въ 17 в. Четь „была центрально-областнымъ учрежденіемъ, которое судомъ и данью вѣдало тяглое населеніе, извѣстное количество посадовъ и уѣздовъ, отчасти связанныхъ между собою предѣлами одной и той-же области" [1].

Теорія областного происхожденія Четей, какъ и теорія отожествленія ихъ съ приказами Посольскимъ, Разряднымъ, Помѣстнымъ, Казанскаго Дворца, также въ значительной степени основывается на свидѣтельствѣ Флетчера, который именно и приписывалъ Ивану III и Грозному, раздѣленіе Россіи на трети (Иванъ III) и Четверти (Грозный). Но это указаніе Флетчера уже оспаривалось г. Дмитріевымъ [2].

Большой соблазнъ для изслѣдователей указаннаго направленія представляло и само мѣстное названіе Четвертей (напр. Владимірская, Галицкая, Костромская, Устюжская, Нижегородская). Правда,

---

[1]) А. Лаппо-Данилевскій. Организація Прямого Обложенія въ Московскомъ Государствѣ стр. 453, 454, 461.

[2]) Ѳ. Дмитріевъ. Исторія Судебныхъ Инстанцій, стр. 125.

Градовскій и Лаппо-Данилевскій при изученіи Четвертей въ 17 в. отмѣчали неопредѣленность ихъ границъ, города и уѣзды въ этихъ Четвертяхъ лежали не сплошнымъ территоріальнымъ округомъ, а были надерганы для приписки къ Четвертямъ съ разныхъ концовъ Московскаго государства, но это наблюденіе не мѣшало имъ, однако, предполагать для начальнаго періода существованія Четвертей ихъ соотвѣтствіе прежнимъ историческимъ дѣленіямъ.

Да и вообще нѣтъ возможности установить связь между переносимыми въ Москву дворами удѣльныхъ княжествъ и Четвертями, это лучше всего показано г. Лохвицкимъ, къ теоріи котораго мы и переходимъ.

III. Теорія Лохвицкаго.—Четверти—податные округа.

Если для Неволина и его послѣдователей происхожденіе Четвертеи объяснялось необходимостью дать особое управленіе вновь присоединеннымъ областямъ по причинѣ именно ихъ обособленности, то, наоборотъ, Лохвицкій не замѣчаетъ въ Московскомъ государствѣ никакихъ слѣдовъ областной обособленности. Провинцій, говоритъ онъ, здѣсь искать негдѣ. Съ одной стороны, удѣльныя княжества сѣверо-восточной Россіи (до присоединенія ихъ къ Москвѣ) не имѣли въ территоріи никакихъ задатковъ самостоятельной жизни; ихъ территоріи дробились на основаніи частнаго права между княжескимъ родомъ; они не имѣли никакихъ учрежденій, около которыхъ могла бы зародиться жизнь. Съ другой стороны, объединеніе ихъ подъ властью Москвы заключалось именно въ уничтоженіи политической независимости, въ изъятіи изъ удѣловъ высшаго дворянства и высшаго класса торговыхъ людей, въ введеніи общей податной системы. И если, несмотря на это, онъ готовъ допустить, „что великіе Московскіе князья оставляли нетронутыми на первыхъ порахъ тѣ предѣлы, въ которыхъ извѣстное княжество заключалось во время присоединенія къ Москвѣ, оставляли даже существовавшіе тамъ разряды (управленіе дворянствомъ) и дворцы (финансовое управленіе)“, то онъ сейчасъ-же оговаривается, что областные дворцы мало по-малу сливались съ Московскимъ Большимъ Дворцомъ, а цѣлость древнихъ княженій скоро была разрушена дѣлежами, пожалованіями, но особенно финансовой политикой Московскихъ князей.

„Московскіе великіе князья, говоритъ онъ, вовсе думали тогда о развитіи системы территоріальнаго дѣленія по началу пространства

и населенія (дѣленіе механическое), равно какъ они не оставили въ силѣ и дѣленія историческаго т. е. старо-областнаго... Главная забота Московскихъ государей были подати, и съ финансовой точки зрѣнія Московскимъ великимъ князьямъ было выгодно поставить общины, первоначальныя податныя единицы, въ непосредственное отношеніе къ себѣ... Это вело къ дробленію территоріи; своего высшаго развитія оно достигаетъ при Грозномъ, когда съ отмѣной кормленій, выдѣляются и ставятся въ непосредственныя отношенія къ Москвѣ не только волости, но и рыбацкія поселенія, куча Самоѣдскихъ Юртъ, компанія откупщиковъ, отдѣльные землевладѣльцы... *Чтобы нѣсколько сгруппировать это безконечное число единицъ, относившихся непосредственно къ Москвѣ, было образовано нѣсколько приказовъ съ характеромъ территоріальныхъ министерствъ. Такъ произошли Четверти*". Но Четверть не была и правильнымъ территоріальнымъ дѣленіемъ (т. е. не имѣла и внѣшняго подобія провинціи), къ каждой изъ Четвертей были приписаны города, уѣзды лежавшіе въ разныхъ концахъ Московскаго государства! „Извѣстное число уѣздовъ группировалось въ вѣдомствѣ приказа только съ податной точки зрѣнія, *какъ извѣстная масса дохода*, безъ всякихъ территоріальныхъ и историческихъ соображеній. Этимъ только можно объяснить странный составъ Четвертей, частое перемѣщеніе городовъ изъ одной Четверти въ другую, соединеніе нѣсколькихъ Четвертей въ одно управленіе, самыя ихъ первоначальныя названія и т. д.". Такимъ образомъ, причина образованія Четвертей по Лохвицкому лежитъ въ стремленіи Московскаго правительства дать хотя нѣкоторую группировку массѣ податныхъ единицъ, тянувшихъ непосредственно къ Москвѣ. *Четверти—это неправильные территоріально податные округа* [1]).

Взглядъ Лохвицкаго, какъ вѣрно замѣтилъ П. Милюковъ, былъ большимъ шагомъ впередъ для пониманія происхожденія нашего финансоваго строя. Онъ окончательно подрывалъ гипотезу областного происхожденія Четвертей и вѣрно указывалъ на финансовую роль ихъ.

Четверти, какъ видно изъ всего разсужденія Лохвицкаго, должны были появиться позднѣй присоединенія областей, они — результатъ ихъ крайняго раздробленія, достигшаго своего апогея при Грозномъ. Казалось, Лохвицкій долженъ былъ и отнести ихъ происхо-

---

[1]) А. Лохвицкій. Губернія. Изд. 1864 г. стр. 20—21, 22, 35.

жденіе къ этому времени, но онъ этого не сдѣлалъ и остался вѣренъ Неволинскому взгляду, что Четверти возникаютъ еще при Іоаннѣ III [2]).

IV. Милюковъ. Чети выдѣляются изъ вѣдомства Б. Прихода.

Теорія Лохвицкаго о Четяхъ, какъ податныхъ финансовыхъ округахъ, получаетъ свое дальнѣйшее развитіе и обоснованіе въ трудѣ г. Милюкова.

Разсматривая финансовые округа, по которымъ распредѣлена была администрація сборовъ въ Московскомъ государствѣ 17 в., Милюковъ сводитъ ихъ къ тремъ категоріямъ. „Общая черта, всѣхъ ихъ, говоритъ онъ, — та, что администрація округовъ сосредоточивается не въ области, а въ самой Москвѣ. Затѣмъ, къ первой категоріи относятся тѣ финансовые округа, которые, не смотря на сосредоточеніе администраціи въ Москвѣ, сохранили нѣкоторую областную цѣлостность и самостоятельность. Сюда относятся вѣдомства Казанскаго Дворца, Новгородскаго приказа. Оба они примкнули къ финансовой организаціи Четей; но области ихъ создались не столько вслѣдствіе административнаго акта, которымъ „приказывались города“ извѣстному лицу, сколько въ силу географической и прежней политической обособленности ихъ. Подобную-же территоріальную непрерывность имѣлъ еще Смоленскій приказъ (послѣ присоединенія Малороссіи), но онъ не получилъ самостоятельнаго существованія и присоединялся то къ Устюжской Чети, то къ Посольскому приказу. Ко второй категоріи относятся Большой Дворецъ и Четверти — Владимірская, Галицкая, Костромская (ранѣе называвшаяся, повидимому, Ярославской) и Устюжская. *Финансовые округа этихъ учрежденій не имѣютъ никакой территоріальной непрерывности и не составляютъ мѣстныхъ группъ.* Въ противоположность округамъ первой категоріи *они создались не исторически*, а, возможно, особымъ правительственнымъ распоряженіемъ или рядомъ такихъ распоряженій; *ихъ значеніе исключительно финансовое*; они вѣдаютъ такъ называемые Четвертные доходы, или, по классификаціи Чечулина, сборы имѣющіе исключительно мѣстный характеръ, т. е. данные и оброчные деньги, изъ которыхъ по замѣчанію Маржерета и „уплачиваются всѣ жалованья и пенсіи большинства военныхъ людей“ [1]).

[2]) Ibid., стр. 31.

[1]) П. Милюковъ. Opus. cit. стр. 25, 26.

Опредѣливъ предѣлъ, кругъ вѣдомства, а также отчасти и назначеніе Четвертей, Милюковъ предлагаетъ попытку опредѣленія времени и способа возникновенія ихъ.

При чемъ, руководящей нитью для этого опредѣленія ему служитъ не назначеніе Четей, а кругъ ихъ вѣдомства, т. е. совокупность денежныхъ поступленій въ Четверти.

„Московскій дворецъ, говоритъ Милюковъ, первоначально одинъ вѣдаетъ всѣ доходы Московскаго государства. *Въ послѣдней четверти 16 в.*, однако, находимъ доходы государственные уже выдѣленными изъ доходовъ дворцовыхъ; вмѣстѣ съ ними выдѣляется и Дворцовый Большой Приходъ. Затѣмъ, въ *теченіе послѣдней четверти столѣтія* происходитъ дальнѣйшее раздѣленіе государственныхъ доходовъ на спеціальные общегосударственные,—продуктъ новыхъ государственныхъ потребностей,—и отчасти изстари сложившіеся, отчасти вновь переведенные на деньги, или вновь обращенные на государственное употребленіе мѣстные доходы; и опять соотвѣтственно этому раздѣленію *выдѣляются изъ Большаго Прихода областные приказы (чети), долго сохраняющіе связь съ* Большимъ Приходомъ, какъ и самъ Большой Приходъ сохраняетъ продолжительную связь съ Б.-Дворцомъ“.[1]).

Такимъ образомъ, „чети для Милюкова не архаизмъ въ слагавшейся системѣ Московскаго управленія (какъ думали представители теоріи областныхъ четей), а, напротивъ, новинка, вызванная къ жизни отвлеченными административными соображеніями, постепеннымъ раздѣленіемъ доходовъ на дворцовые и государственные, а затѣмъ этихъ послѣднихъ—на общегосударственные и мѣстные“.

Эта теорія Милюкова вызвала цѣлый рядъ возраженій, особенно со стороны проф. Платонова, Середонина, Сторожева. Признавая, что объясненіе Милюкова происхожденія четвертей значительной шагъ впередъ сравнительно съ тѣми объясненіями, которыя давались раньше, Середонинъ прежде всего находилъ рядъ противорѣчій въ разсужденіи Милюкова. Онъ указывалъ, что Милюковъ не выработалъ опредѣленнаго взгляда на время происхожденія четвертей: въ одномъ случаѣ онъ относилъ выдѣленіе четвертей изъ Большаго Прихода приблизительно къ 1585 г., въ другомъ—предполагалъ такое выдѣленіе совершившимся нѣсколько ранѣе, именно

[1]) П. Милюковъ. Opus sit. стр. 25.

въ послѣдней трети 16 в. Но, въ послѣднемъ случаѣ, нужно признать, что едвали четверти выдѣлились изъ Большаго Прихода, такъ какъ первая дата для послѣдняго по Милюкову сравнительно поздняя, именно 1573 годъ. Вообще, Середонинъ не соглашается съ мнѣніемъ Милюкова, что четверти были подчинены Большому Приходу, что они первоначальио были его отдѣленіями. Отмѣчая фактъ, что въ 1579 г. съ одного и того же города Каширы часть сборовъ (именно, часть таможенныхъ пошлинъ, откупъ съ одного перевоза) идетъ въ четверть Вас. Щелкалова, а другая часть (именно, вторая часть таможенныхъ пошлинъ и вѣрный сборъ съ другого перевоза) въ Большой Приходъ, Середонинъ говоритъ, что онъ не понимаетъ, что „за обстоятельства могли заставить Московское правительство придумать такой порядокъ, что одни сборы поступаютъ въ центральное учрежденіе, а другіе въ одно изъ его отдѣленій, бывшее тоже въ Москвѣ“.

Затѣмъ онъ приводитъ рядъ данныхъ въ доказательство того, что Четверти не подвѣдомственны Большому Приходу, а дѣйствуютъ самостоятельно. Наконецъ, говоритъ онъ, „Большой Приходъ съ самаго начала является учрежденіемъ финансоваго характера, четверти уже не только собираютъ доходы, но и принимаютъ также судныя и другого рода дѣла въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ, т. е. сфера ихъ дѣятельности иная, чѣмъ у учрежденія, изъ котораго онѣ будтобѣ выдѣлились“[1]).

Все это вмѣстѣ взятое приводитъ г. Середонина къ заключенію о непріемлемости выводовъ Милюкова о происхожденіи четвертей и побуждаетъ автора предложить собственную теорію.

V. Середонинъ. Теорія образованія Четвертей въ опричнинѣ.

Середонинъ исходитъ изъ высказаннаго уже Дмитріевымъ положенія, что центральныя учрежденія возникли въ Москвѣ только послѣ того, какъ общинѣ дано было самоуправленіе т. е., земская реформа Грознаго съ ея уничтоженіемъ намѣстниковъ во многихъ волостяхъ и городахъ даетъ первый толчекъ къ образованію центральныхъ учрежденій, „что понятно само собою разъ уничтожена была инстанція, черезъ которую до сихъ поръ правительство сносилось съ областнымъ населеніемъ“.

---

[1]) Середонинъ. Opus cit. стр. 250—254.

Первоначально такое положеніе дѣлъ отражается на расширеніи вѣдомства казначеевъ, которые и вѣдаютъ области, гдѣ уничтожены намѣстники и введено земское самоуправленіе. „Ясно также, говоритъ авторъ, что въ 50-хъ годахъ XVI ст. еще не существовало въ Москвѣ спеціальнаго учрежденія, которое бы вѣдало эти области. Ихъ вѣдали казначеи, потомъ въ помощь имъ начали назначать дьяковъ, приказывать область тому или другому дьяку".

Такъ продолжалось до 1565 г., когда съ отобраніемъ ряда городовъ въ опричнину, для завѣдыванія ими и создается особое учрежденіе. Это и есть *Четвертной приказъ*. Онъ именно и вѣдалъ тѣ доходы на „государьскій обиходъ", которые должны были поступать съ отписанныхъ въ опричнину городовъ и потомъ идти на „жалованье бояръ и дворянъ и всякихъ его государевыхъ дворовыхъ людей, которые будутъ у него въ опричнинѣ".

Созданный въ опричнинѣ четвертной приказъ былъ сначала единенъ. Но по уничтоженіи опричнины, это учрежденіе, „возвращенное съ своимъ вѣдомствомъ въ государство потеряло единство, распалось на нѣсколько дьячихъ канцелярій, соотвѣтственно числу дьяковъ четвертнаго приказа, вмѣсто этого приказа изъ одной четверти стало нѣсколько четвертей". Рядомъ съ этимъ произошли перемѣны и въ вѣдомствѣ четвертей. „Когда Грозный бралъ себѣ эти города въ опричнину, тогда онъ имѣлъ въ виду содержать на доходы съ этихъ городовъ опричниковъ, *своихъ* служилыхъ людей", этой цѣли и служилъ четвертной приказъ; послѣ Грознаго *четверти* содержали *вообще* служилыхъ людей, «четвертчиковъ»"[1]).

Положеніе, выставленное Середонинымъ, нашло себѣ сильнаго критика въ лицѣ проф. Платонова. Упрекая Милюкова за излишній схематизмъ его изображенія четвертей и приписывая гипотезѣ Середонина большую историчность, названый ученый отрицалъ возможность возникновенія четвертей въ опричнинѣ[2]).

Гипотеза Середонина была ему подсказана отчасти тѣмъ, что четвертной приказъ, какъ учрежденіе, упоминается въ документахъ приблизительно во времена опричнины, причемъ, съ прибавленіемъ термина „дворовый", или „дворцовый", термина, указывающаго на

---

[1]) Середонинъ. Opus cit. стр. 262—265.

[2]) Платоновъ. Статьи по русск. ист. стр. 167—171.

учрежденія въ опричнинѣ. Но когда проф. Платоновъ привелъ болѣе раннее указаніе, именно отъ 1569 г., гдѣ четь названа четвертнымъ приказомъ безъ прибавленія термина „дворовый“, а проф. Дьяконовъ нашелъ указаніе на четь подъ именемъ четвертной избы подъ 1561—62 гг., т. е. ранѣе оффиціальнаго учрежденія опричнины, вся догадка проф. Середонина о возникновеніи четвертей въ опричнинѣ была подорвана[1]).

За схемой г. Середонина было оставлено лишь только ея главное достоинство, что въ ней очень чутко взята исходная точка—въ административныхъ реформахъ Грознаго. (Платоновъ Opus. cit. стр. 169).

VI. Платоновъ. Четвертной приказъ, какъ особая касса въ вѣдомствѣ Разряднаго Приказа.

Документальное обоснованіе этой догадки далъ проф. Платоновъ. Онъ началъ не съ причины появленія Четвертнаго Приказа или четей, а съ установленія цѣли учрежденія ихъ.

„Назначеніе Четей, говоритъ онъ,—содержать извѣстное число служилыхъ людей годовымъ жалованьемъ изъ фонда, образуемаго путемъ взноса извѣстныхъ податныхъ платежей непосредственно въ Четверти подлежащими податному обложенію лицами и общинами[2]). Такимъ образомъ, у изучаемыхъ учрежденій какъ-бы двѣ стороны: одна обращена къ служилымъ людямъ: Четь выплачиваетъ имъ „годовыя деньги“, „годовой оброкъ“; другая обращена къ податному населенію: Четь взимаетъ съ него четвертные доходы... Совершенно основательно замѣтилъ Н. Д. Чечулинъ и подтвердили гг. Милюковъ и Середонинъ, что въ Чети шли доходы, имѣвшіе мѣстный характеръ—разные виды оброчныхъ денегъ за „намѣстничъ доходъ и за присудъ оброкъ и пошлины“. Въ то же самое время оклады, которые выдавались изъ Четвертей служилымъ людямъ, какъ сейчасъ указано, носили названіе оброка. Можно поэтому представить себѣ дѣло такъ, что *назначеніемъ Четей была передача оброчныхъ*

[1]) Платоновъ. Opuscit стр. 174; М. Дьяконовъ. О Московскихъ реформахъ половины XVI в. Журн. М. Н. Пр. 1894 г. кн. 4, стр. 196, 197.

[2]) Это назначеніе Четей было хорошо извѣстно уже г. Сторожеву, см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1892, кн. 1. Къ вопросу о четвертчикахъ. О непосредственной финансовой зависимости отъ Москвы говорилъ еще Лохвицкій. См. выше.

денегъ какимъ-то служилымъ людямъ, имѣющимъ на нихъ право. Остается узнать, какія же это оброчныя деньги и кто имѣлъ на нихъ право?

Отвѣчая на поставленные вопросы, проф. Платоновъ устанавливаетъ: 1) *идущія въ Чети оброчныя деньги* „за намѣстничъ доходъ“ и проч. *есть не что иное, какъ „кормленный окупъ“, „оброкъ“, установленный уложеніемъ 7064 (1555—1556 г.) въ видѣ выкупа за уничтоженныя кормленія*; 2) право на этотъ оброкъ получили тѣ, кто ранѣе имѣлъ право на кормленіе.

Такимъ образомъ, вполнѣ разрѣшается вопросъ почему и для чего возникли Чети, но остается открытымъ, *какъ* они возникли, т. е. какую форму они получили первоначально и какое мѣсто заняли въ Московской административной системѣ. *Проф. Платоновъ и полагаетъ, что сначала „четвертныя доходы, по своему происхожденію и назначенію, скорѣе всего могли сосредоточиться въ Разрядѣ.* Кормленщики и ихъ потомки, верхній слой служилаго люда, и службою своей, и вознагражденіемъ за нее въ видѣ административныхъ полномочій, т. е. кормленіями, подлежали вѣдѣнію именно Разряда или, точнѣе, Боярской Думы, вѣдавшей ихъ черезъ Разрядъ; когда кормленія были замѣнены сборами въ Четверть, наблюденіе за сборами и Четвертями всего скорѣе должно было сосредоточиться въ тѣхъ же рукахъ, въ Разрядномъ, а не другомъ приказѣ“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію проф. Платонова *въ 60 и 70 годахъ Четвертной приказъ, какъ особая касса*, въ которой сосредоточились опредѣленные сборы и вѣдались опредѣленные расходы, *возникаетъ въ вѣдомствѣ разряднаго думнаго дьяка.* Въ 80 годахъ Четвертной приказъ теряетъ свое единство, окончательно распадается на Четверти, потому что поступаетъ въ вѣдѣніе нѣсколькихъ думныхъ дьяковъ. Въ такомъ положеніи и засталъ Четверти Флетчеръ [1]).

VII. Дьяконовъ. Выдѣленіе Четвертей изъ вѣдомства Казначеевъ.

Для полноты историографическаго обзора мнѣній, высказанныхъ по вопросу о происхожденіи Четвертей, намъ остается указать на взглядъ проф. Дьяконова. Связь происхожденія Четвертей съ земской реформой Грознаго, такъ обстоятельно развитая въ изложеніи проф.

---

[1]) Платоновъ. Opus. cit. стр. 171—173, 181, 182.

Платонова, встрѣтила свое полное подтвержденіе и въ статьѣ г. Дьяконова, равно какъ была усвоена г. Лаппо-Данилевскимъ въ его предисловіи къ „Кормленой книгѣ Костромской Чети 1613—1627 гг.“[1]).

Дьяконовъ даже глубже обосновалъ эту связь; основываясь на открытой имъ Уставной земской грамотѣ, именно Плесской отъ 28 февраля 1551 г., онъ доказалъ, что Московское правительство еще до открытія Стоглаваго Собора имѣло готовый планъ о возможной замѣнѣ кормленій органами земскаго самоуправленія; оно даже приводило въ исполненіе этотъ планъ, который вѣроятно былъ подсказанъ ему на соборѣ 1550 г.[2]).

Такимъ образомъ, осуществленіе земскихъ реформъ Грознаго началось гораздо ранѣе даты проф. Платонова, основанной на Никоновской Лѣтописи (т. е. 1555—56 г.), сообразно съ этимъ ранѣе началъ формироваться и тотъ фондъ, который былъ потомъ сосредоточенъ въ Четвертномъ приказѣ (и Четвертяхъ) и изъ котораго были устроены жалованьемъ служилые люди.

Но, по вопросу о способѣ возникникновенія Четей, т. е. объ ихъ первоначальной формѣ, проф. Дьяконовъ высказывалъ свое особенное и на нашъ взглядъ почти безспорное мнѣніе—именно, *онъ допустилъ выдѣленіе Четвертей изъ вѣдомства Казначеевъ.*

Этимъ я и закончу исторіографическій обзоръ вопроса и перейду къ анализу тѣхъ немногихъ документовъ, которые еще, насколько мнѣ кажется, не были привлечены къ изученію, но могутъ послужить нѣкоторыми опорными пунктами въ вопросѣ о происхожденіи Четвертей.

Здѣсь, прежде всего, не безполезно будетъ установить значеніе земской реформы Грознаго.

Намъ кажется, что ее до нѣкоторой степени возможно сблизить съ писаніями Ивашки Пересвѣтова[3]).

---

[1]) Русская Ист. Библ. т. XV.

[2]) Дьяконовъ. Opus. cit. стр. 192; о томъ же см. В. О. Ключевскій. Составъ представительства на земскихъ соборахъ. Русская мысль 1892 г. № 1, стр. 150 и слѣд.

[3]) Сказанія Ивашки Пересвѣтова (сказаніе о царѣ Турскомъ Магметѣ. о Петрѣ Волошскомъ воеводѣ) напечатаны въ Уч. Зап. Казанскаго Унив

По своему соціальному положенію Пересвѣтовъ принадлежалъ къ средѣ обычнаго, нетитулованнаго и неродовитаго служилаго люда. Его взгляды и отражаютъ чаянія и пожеланія этой среды. Они развиты въ тѣхъ „рѣчахъ“ или „книжкахъ“, которыя онъ подалъ Грозному, а также въ его челобитныхъ. По времени написанія, онѣ предшествуютъ первому собору 1550 г.; ихъ дата 1548—1549 года. Въ нихъ мы имѣемъ цѣлую программу реформъ, отвѣчающую нуждамъ мелкаго служилаго класса.

Основная мысль Пересвѣтова, которую онъ настойчиво повторяетъ—экономическое и политическое ослабленіе боярства, „вельможъ“, забота о лучшемъ устройствѣ рядоваго служилаго люда, на который и долженъ опираться царь, если онъ хочетъ избѣгнуть судьбы греческаго Константина. Одной изъ основъ экономической мощи вельможъ по Пересвѣтову является то, „что царь даетъ городы и волости вельможамъ свои держати, и вельможи отъ слезъ и отъ крови (крестьянской—въ другомъ мѣстѣ) богатѣютъ, въ обидахъ присуждаютъ поля, неправильно цѣлуютъ крестъ на судѣ“ и т. д. Пересвѣтовъ и совѣтуетъ уничтожить кормленія и взамѣнъ того „разослать по всему царству своему вѣрная свои слуги (отнюдь не вельможъ и бояръ), пооброчивши ихъ исъ казны своимъ жалованьемъ, чѣмъ имъ мочи прожить зъ году на годъ. А судъ дать полатной во все царство, судит безъ противня, а присудъ имать на себя въ казну, чтобы не искушалися, въ грѣхъ не впадали и Бога не разгнѣвали“.

Далѣе, Пересвѣтовъ развиваетъ цѣлый рядъ реформъ, клонящихся къ умаленію политическаго значенія вельможъ. По его мысли царь долженъ думу думать одинъ безъ вельможъ, только тогда ему „возможно въ царствіи своемъ веселитися и вельможъ своихъ всячески искушати и бояры своими тѣшитися, яко младенцы“. Опорой царя должно служить вѣрное ему воинство, жалуемое и возвышаемое по личнымъ заслугамъ, а не по принципу мѣстничества, которое должно быть отмѣнено. Но для этого нужно устроить это воинство

1865 г. I, 21 и слѣд.; въ Изборникѣ Попова 165—167, 178—180, въ Памятникахъ старинной русск. лит. II. 399—402. Его двѣ челобитныя Грозному—въ Чтеніяхъ Общ. Ист. 1902 г. IV. 1—14. О нихъ см. Карамзинъ IX прим. 849, Соловьевъ VII 238—239, Ю. А. Яворскій. Къ вопросу объ Ивашкѣ Пресвѣтовѣ. отд оттискъ изъ Чтеній въ Истор. Общ. Нестора Лѣтописца кн. XX, вып. 3, здѣсь указана и новѣйшая (небольшая) литература вопроса.

царскимъ жалованьемъ изъ казны, которая должна пополняться доходами со всего государства.

Такова въ общихъ чертахъ программа, какъ мы бы сказали, рядоваго служилаго класса. Правда, эта программа не требуетъ земскаго самоуправленія, она говоритъ, напротивъ, о введеніи „полатнаго суда", о судьяхъ, *назначаемыхъ* изъ „вѣрныхъ слугъ" и получающихъ годовое жалованье, но отмѣтимъ, что идея отмѣны кормленій возникаетъ уже въ средѣ этого служилаго класса еще до собора 1550 г. и разсматривается имъ, какъ умаленіе экономической и политической мощи боярства, которое держало въ своихъ рукахъ управленіе и къ тому же было богато и родовито. Отмѣтимъ и то, что этотъ сознавшій себя служилый классъ ставитъ предъ Московскимъ правительствомъ и другую задачу—образованіе фонда для вознагражденія себя за службу и для обезпеченія самой возможности этой службы.

Итакъ, отмѣна кормленій съ точки зрѣнія идеолога служилаго класса имѣетъ значеніе не только акта введенія правосудія, именно, нелицепріятнаго и непродажнаго суда, отъ отсутствія котораго такъ страдалъ этотъ служилый классъ, но и значеніе политическое, какъ средство умаленія правъ боярства.

Но кормленщиками были недовольны не одни только служилые люди; въ цѣломъ рядѣ уставныхъ земскихъ грамотъ Грозный писалъ: „что ему отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная, что намѣстники и волостели, и ихъ пошлиные люди сверхъ нашего жалованія указу, чинятъ имъ продажи и убытки великіе; да отъ того на посадѣхъ многіе крестьянскіе дворы, а въ уѣздѣхъ деревни и дворы запустѣли и *наши дани и оброки сходятся не сполна*".

Такимъ образомъ, общественное мнѣніе высказывалось по тѣмъ или другимъ мотивамъ противъ кормленій; но крестьяне требовали въ замѣнъ отмѣны ихъ не назначенія новыхъ судей на жалованьѣ, *а введенія выборнаго самоуправленія*.

Такъ реформѣ Грознаго предшествовало двѣ программы, сходныхъ въ необходимости отмѣны кормленій, но различныхъ по выработкѣ началъ, долженствующихъ замѣнить старый порядокъ. Земская реформа и можетъ быть, на нашъ взглядъ, разсматриваема, какъ компромиссъ между программой служилаго люда съ одной стороны, и крестьянства и посадовъ съ другой. Общее требованіе от-

мѣны кормленій было удовлетворено, въ замѣнъ его введено новое начало выборнаго самоуправленія (этимъ удовлетворены крестьяне и посадскій элементъ), но введено не даромъ,—населеніе должно было откупить его, т. е. обязаться вносить въ казну оброкъ „за намѣстничи и за волостелины и за праведчиковы доходы и за присудъ и за ихъ пошлиныхъ людей пошлины". Этотъ оброкъ и долженъ былъ служить основаніемъ того денежнаго фонда, изъ котораго слѣдовало вознаграждать служилый классъ за его службу, что соотвѣтствовало, какъ мы видѣли выше, пожеланіямъ этого служилаго класса, и что, кромѣ того, вынуждалось самой системой военной обороны страны, становившейся въ ряду задачъ правительства на первомъ планѣ.

Итакъ, земская реформа Грознаго своей одной стороной обращена къ посадскимъ и волостнымъ крестьянамъ, другой—къ служилому классу. Ликвидація стараго порядка приводитъ къ земскому выборному самоуправленію во первыхъ, во вторыхъ вызываетъ приращеніе государственныхъ доходовъ, идущихъ на нужды служилаго класса. Спрашивается теперь, какая „казна" вѣдала эти доходы, въ какое учрежденіе они поступали?

Отвѣтомъ на это могутъ служить указанія извѣстныхъ намъ земскихъ уставныхъ грамотъ.

Самой ранней изъ этихъ грамотъ Плесской отъ 28 февраля 1551 г. крестьяне Плесской волости, пооброчившись у дьяка Угрима Львова, обязуются платить оброкъ за всѣ намѣстничьи доходы въ „*нашу казну*". Эта казна есть не что иное, какъ *Казенный Дворъ*—вѣдомство казначеевъ. „А дати, говорится въ Важской уставной грамотѣ 21 Марта 1552 г., тотъ оброкъ въ мою цареву и великаго князя *казну*, *казначеемъ* Ивану Петровичу Головину да Ѳедору Ивановичу Сукину да дьяку нашему Истомѣ Ноугородову" (На грамотѣ припись дьяка Истомы Ноугородова).

Или, въ не вошедшей въ научное обращеніе и напечатанной нами ниже Уставной грамотѣ посадскимъ людямъ Соли Переяславской отъ 11 Августа 1555 г.: „А оброкъ есмя за волостелины доходы и за присудъ и за всѣхъ волостелиныхъ пошлинныхъ людей пошлины, опричь мыта сухово, на Усольцевъ Переяславскія Соли, на всѣхъ посадскихъ людей, которые судомъ и кормомъ даны были Усольскимъ волостелемъ, велѣли положити на годъ деньгами по 14 руб., да пошлинъ съ того оброку съ рубля по два алтына; а платить имъ тотъ оброкъ и съ пошлиною въ *нашу казну* на Москвѣ къ дьяку

нашему Угриму Львову“ Еще яснѣй въ земской Уставной грамотѣ Усольскаго уѣзда отписной сошки Луцкой Пермцы: „а даютъ они Луские Пермцы крестьяне за городовые подѣлки и за посадцкіе и за волостные розметы и за тюремные сторожи и за судные пошлины *въ нашу казну на Казенной дворъ*“ (Любопытно, что въ подтвержденіи этой грамоты „при Ростриге“—эти платежи названы уже „четвертными доходами“)[1].

Такимъ образомъ, совокупность доходовъ, вновь открывшаяся по уничтоженіи кормленій—„кормленой окупъ“—первоначально поступаетъ съ черныхъ волостей и посадовъ въ вѣдомство казначеевъ, на Казенный Дворъ. Казначеямъ же вмѣстѣ съ дьяками Казеннаго Двора принадлежитъ и высшій надзоръ за вводимымъ земскимъ самоуправленіемъ: „А въ чемъ имъ (выборнымъ органамъ) будетъ управить невозможно, и имъ въ томъ суда своего списки и обоихъ истцовъ присылать къ докладу на Москву къ *нашимъ казначеемъ*, къ Ѳ. Ив. Сукину, да къ Хозяину Юрьевичу Тютину, да къ дьяку нашему Угриму Львову, и они имъ указъ чинятъ безволокитно, и списки подписываютъ безпошлинно“ [2]. Еще полнѣй въ печатаемой ниже Уставной грамотѣ волости Усть-Заячьей Устюжскаго уѣзда отъ 1556 г. Мая 24: „и о *всѣмъ* ихъ (излюбленныхъ старостъ) велѣли есмя управливати и докладовъ ихъ слушати *казначеемъ* своимъ Ѳ. Ив. Сукину, да Хозяину Юрьевичу Тютину, да дьяку своему Угриму Львову“. Или, въ Важской Уставной грамотѣ 1552 г.: „А кому будетъ чего искати опричнымъ людемъ на шенкурцѣхъ и на вельскихъ на посадскихъ людехъ и на становыхъ хрестьянѣхъ, и тѣ опричные люди на шенкурцовъ и на вельскихъ на посадскихъ людей, и на становыхъ и на волостныхъ хрестьянъ приходятъ о управахъ на Москву къ *казначеемъ* нашимъ Ив. Петровичу Головину, да къ Ѳ. Ив. Сукину, да къ дьяку нашему Истомѣ Ноугородову, и казначеи наши да дьякъ Истома Ноугородовъ, докладывая меня царя и великаго князя, на шенкурцевъ и на вельскихъ на посадскихъ людей и на становыхъ и на волостныхъ хрестьянъ при-

---

[1]) Уст. Зем. грамота кр-намъ Плесской вол. Владим. у. 28 февр. 1551 г. Журн. Мин. Нар. Пр. 1894, № 4, стр. 190—191. Посадскимъ людямъ Соли Переяславской 11 авг. 1555 г. См. ниже Усольскаго у. отписной сошки Луцкой Пермцы. Чтенія М. Общ. Ист. и Др. 1907, кн. I, стр. 40.

[2]) Уст. Зем. грамота посадскимъ людямъ Соли Переясл. 11 авг. 1555. См. ниже.

ставовъ нашихъ даютъ и управу имъ на Москвѣ чинятъ по нашему указу"; или „о которыхъ дѣлъ излюбленнымъ головамъ безъ нашего вѣдома кончать не мочно, и излюбленные головы.... въ тѣхъ дѣлѣхъ суда своего списки и обыски во всякихъ дѣлѣхъ присылаютъ на Москву, къ *казначеемъ* нашимъ Ив. Петр. Головину, да къ Ѳ. Ив. Сукину, да ко діяку нашему Истомѣ Ноугородову, или *иному діяку, кому язъ царь и великій князь Вагу прикажу*".

Такимъ образомъ, вѣдомство казначеевъ во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ являлось судебной инстанціей для волостей, получившихъ земское самоуправленіе; къ тому же казначеи съ дьяками Казеннаго Двора осуществляли высшій надзоръ за земскимъ самоуправленіемъ, они во всемъ „управливали" излюбленныхъ старостъ, списки которыхъ должны были присылаться тѣмъ же казначеямъ: „а учнете, говорится въ уставной грамотѣ отъ 24 Мая 1556 г., ослушатися, тѣхъ старостъ не выберете часа того и къ намъ ихъ имянъ ихъ списка за своими руками на срокъ на Покровъ не пришлете, и вамъ быть отъ меня царя и великаго князя въ великой продажѣ и въ казни". Однимъ словомъ, вѣдомство казначеевъ осуществляло тѣ функціи, которыя потомъ были возложены на Четверти. Это становиться безспорнымъ, хотя бы изъ сличенія вышеприведенныхъ документовъ съ Торопецкой Уставной грамотой 7099 г.[1]). Торопецкій посадъ уже съ 82 года, т. е. съ 1574, платилъ „за всякіе намѣстничьи доходы въ Четверть Дружины Петелина" по 164 р. 22 алт. 4 д., туда же шелъ оброкъ „съ рыбныхъ ловель съ озеръ и по реке Торопце, да меховыя денги". Но Дружина Петелинъ вѣдалъ Торопецъ не только въ финансовомъ отношеніи; какъ ранѣе Казенный Дворъ, такъ теперь Четверть Петелина осуществляла функціи высшаго надзора надъ выборнымъ управленіемъ Торопца, равно какъ Петелинъ рѣшалъ дѣла по искамъ стороннихъ людей на Торопецкихъ посадскихъ.

„А которыхъ посадцкихъ людей, читаемъ въ уставной Торопецкой, въ земские целовальники всемъ городомъ выберутъ, и тѣхъ земскихъ целовальниковъ и по нихъ выборы, за отцовъ ихъ духовныхъ руками и за своими приписьми, присылати имъ ежегодъ къ Москвѣ въ Четверть дьяка Дружины Пятелина; и по темъ выборомъ

[1]) Напечатана въ изслѣдованіи Ив. Побойнина Торопецкая Старина. Чтенія М. Общ. Ист. и Др. 1902, кн. 2, стр. 353—359.

тѣхъ земскихъ цеповальниковъ приводити къ крестному цѣлованью на Москвѣ... А кому будетъ чево искать стороннимъ людемъ на торопчанехъ посадцкихъ людехъ, и те сторонние люди на городцкихъ посадцкихъ людей о управяхъ приходятъ бити челомъ дьяку Дружине Пятелину, и дьякъ Дружина Петелинъ, докладывая меня, царя і великаго князя, на посадцкихъ людей управу даетъ и на Москвѣ указъ учинитъ по нашему указу".

Такимъ образомъ, функціи, позднѣе осуществлявшіяся Четвертями, первоначально осуществлялись казначеями и дьяками Казеннаго Двора. Мысль проф. Дьяконова о выдѣленіи Четвертей изъ вѣдомства казначеевъ находитъ себѣ полнѣйшее подтвержденіе. А намекъ важской грамоты—„или иному діяку, кому язъ царь и великій князь Вагу прикажу"—дѣлаетъ вполнѣ объяснимымъ и самый процессъ этого выдѣленія.

Высшій надзоръ за земскимъ самоуправленіемъ и вѣданіе оброчныхъ поступленій послѣ отмѣны кормленій сосредоточивается, какъ выше указано, въ Казенномъ Дворѣ; но функціи эти осуществляются казначеями не вполнѣ самостоятельно, а при помощи дьяковъ, состоящихъ въ вѣдѣніи казначеевъ. Такихъ дьяковъ нѣсколько. По крайней мѣрѣ, для 1551—1555 годовъ мы имѣемъ свѣдѣнія о двухъ: объ Истомѣ Ноугородовѣ и Угримѣ Львовѣ. Первый изъ нихъ фигурируетъ въ Важской уставной грамотѣ, онъ скрѣпляетъ ее и, какъ мы видѣли выше, раздѣляетъ функціи казначеевъ по завѣдыванію Вагой; второго съ тѣми же самыми полномочіями встрѣчаемъ въ цѣломъ рядѣ грамотъ, именно: уставной грамотѣ Плесской волости Владимірскаго у. отъ 28 февр. 1551 г., посадскимъ людямъ Соли Переяславской отъ 11 августа 1555 г., Переяславскимъ рыболовамъ отъ 15 августа 1555 г. Усецкимъ и Заецкимъ волостямъ Устюжскаго у. отъ 15 октября 1555 г. Для 1556 г. мы имѣемъ свѣдѣнія уже о трехъ дьякахъ: объ Иванѣ Михайловѣ, который скрѣпилъ подтвержденіе Важской уставной грамоты и былъ, вѣрнѣе всего, преемникомъ Истомы Ноугородова; о Путилѣ Нечаевѣ—въ Двинской грамотѣ, и снова объ Угримѣ Львовѣ—въ уставной грамотѣ Усть-Заячьей волости Устюжскаго у. отъ 24 мая 1556 г.[1]). Такимъ обра-

[1]) Уставныя Земскія Грамоты. 11 авг. 1555 г., 24-го мая 1556 г. См. ниже въ приложеніи, 28 февраля 1551 г. Журн. М. Н. Пр. 1894, кн. 4, стр 190—191, остальные—Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 242, 243.

зомъ, внутри вѣдомства казначеевъ мы и въ это раннее время замѣчаемъ уже нѣкоторую дифференціацію. Высшее завѣдываніе финансовыми поступленіями со *всѣхъ* волостей и посадовъ, получившихъ земское самоуправленіе, а также и высшій контроль надъ послѣднимъ принадлежитъ казначеямъ; рядомъ съ ними и, вѣроятно, подъ ихъ высшимъ надзоромъ, дѣйствуютъ дьяки Казеннаго Двора, съ той лишь разницей, что компетенція каждаго изъ нихъ распространяется не на всю совокупность волостей и посадовъ, а лишь на *опредѣленныя области*. Каждый изъ нихъ вѣдаетъ какую-либо отдѣльную область, или рядъ областей. Такимъ образомъ, вполнѣ подтверждается извѣстіе Никоновой Лѣтописи: „И повелѣ Государь.... на грады и на волости положити оброкы по ихъ промысломъ и по землямъ, *и тѣ оброкы збирати къ царскимъ казнамъ своимъ діакомъ*“ [1]).

Эти „Казны“ нѣсколькихъ дьяковъ мы и рѣшаемся понимать, какъ отдѣленія одной общей казны—Казеннаго Двора. Смыслъ существованія этихъ отдѣленій лежитъ въ характерѣ финансовыхъ поступленій, они носятъ областной характеръ въ томъ значеніи, что поступленія, напр., съ Ваги, идущія черезъ руки Истомы Ноугородова, не смѣшиваются, напр., съ поступленіями съ Устюжскихъ, Переяславскихъ, Владимірскихъ волостей, которыми завѣдываетъ Угримъ Львовъ.

Дальнѣйшая исторія этихъ отдѣленій заключается, именно, въ выдѣленіи ихъ изъ одного общаго для нихъ учрежденія—Казеннаго Двора. Постепенно изъ отдѣленій этой кассы, они превращаются въ самостоятельныя кассы, которыя, можетъ быть, прежде чѣмъ окончательно размежеваться, сначала объединяются на короткое время въ Четвертномъ Приказѣ, или Четвертной Избѣ, самое раннее упоминаніе о которой, до сихъ поръ извѣстное намъ, относится къ 1561—62 годамъ.

Причины такого выдѣленія нужно искать безусловно по аналогіи съ выдѣленіемъ изъ вѣдомства казначеевъ, напр., приказа Посольскаго, Ямскаго, Холопьяго.... Пока рядъ дѣлъ и обязанностей, позднѣе вошедшихъ въ кругъ веденія этихъ вновь образовавшихся приказовъ, былъ несложенъ, ими могли вѣдать казначеи. И дѣйстви-

---

[1]) Полное Собр. Русск. Лѣтописей. Никоновская лѣт., т. XIII, первая половина, стр. 268.

тельно, по вѣрному замѣчанію г. Бѣлокурова [1]), въ 15 и первой половинѣ 16 в. Казенный Дворъ былъ Московской Государственной Канцеляріей на подобіе Государственной Канцеляріи при Радѣ великаго княжества Литовскаго, а казначеи являлись государственными секретарями и соотвѣтствовали литовскому канцлеру. Казенный Дворъ въ эту эпоху былъ не только хранилищемъ царской казны, мѣховъ и драгоцѣнныхъ матерій, раздававшихся въ награду служилымъ людямъ Московскаго государства, какимъ онъ сталъ въ 17 в.; кромѣ великокняжеской казны, казначеи вѣдали дѣла о холопствѣ и нѣкоторыя судебныя дѣла, ямскую гоньбу, они же были хранителями Московскаго дипломатическаго архива, руководили внѣшней политикой, завѣдывали пріѣздами и отправкой пословъ, но, что всего важнѣе, казначеи завѣдывали и финансами, въ ихъ вѣдѣніи находился цѣлый рядъ государевыхъ доходовъ: они получали пошлины, оброки и сдавали въ оброчное содержаніе разныя доходныя статьи. Такъ, собранная въ 1549 г. таможенная пошлина съ торговыхъ людей, таможенные сборы 1551 г., оброкъ за ловлю бобровъ въ рѣкахъ въ 1551 г. и т. д.—все это поступало въ Казенный Дворъ [2]); туда же шли ямскія, полоняничныя и др. деньги, потомъ поступавшія въ вѣдомство Большого Прихода.

Уже изъ этого перечисленія видно, какъ широка, всеобъемлюща была компетенція казначеевъ. Но такой порядокъ могъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока кругъ этихъ дѣлъ (финансовыхъ, судебныхъ, и по завѣдыванію внѣшними сношеніями или ямской гоньбой) былъ еще сравнительно невеликъ и несложенъ. Но лишь только увеличились и осложнились, напр., внѣшнія сношенія московскаго государства или стала нужна болѣе стройная организація ямовъ и т. д., какъ потребовалась реформа управленія. Эта реформа и заключалась въ выдѣленіи изъ почти всеобщаго вѣдомства казначеевъ особыхъ вѣдомствъ, въ образованіи спеціальныхъ приказовъ. И это выдѣленіе было тѣмъ легче, что въ самомъ вѣдомствѣ казначеевъ къ концу указанной эпохи, какъ то отмѣтилъ г. Гурляндъ, произошла спеціализація отдѣльныхъ дьяковъ, состоящихъ въ вѣдѣніи

---

[1]) С. А. Бѣлокуровъ. О Посольскомъ Приказѣ. Чтенія М. Общ. Ист. и Др. 1906 г., кн. 3. Стр. 16—25.

[2]) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 223, 226, 230.

казначеевъ [1]). Каждому изъ этихъ дьяковъ или отдѣльнымъ группамъ ихъ былъ приказанъ отдѣльный кругъ дѣлъ, опредѣленное вѣдомство. Оставалось этимъ дьякамъ лишь обособиться отъ подчиненія казначеямъ, отъ высшаго контроля послѣднихъ. Съ окончаніемъ этого процесса и возникаетъ рядъ самостоятельныхъ приказовъ. Такъ, изъ вѣдомства казначеевъ выдѣлились приказы Посольскій, Ямской, таково же происхожденіе Четвертей и Большого Прихода. Указаніемъ на время выдѣленія послѣдняго, мы и закончимъ настоящій обзоръ.

Выше было указано, что отъ 1551—1556 г. дьякъ Угримъ Львовъ является несомнѣнно дьякомъ Казеннаго Двора, и въ этомъ званіи подъ высшимъ контролемъ казначеевъ вѣдаетъ поступленія „кормленого окупа“ съ ряда волостей, или даже цѣлой области, приказанной ему. Но для 1555 г., именно для марта мѣсяца этого года, мы имѣемъ несомнѣнное свидѣтельство о томъ, что Угримъ Львовъ *одновременно* съ этимъ стоитъ во главѣ и Большаго Прихода, который является уже вполнѣ сложившимся учрежденіемъ, хотя, можетъ быть, стоящимъ еще въ нѣкоторой зависимости отъ Казеннаго Двора, поскольку Угримъ Львовъ остается дьякомъ этого двора.

Указаніе на это даютъ два документа, напечатанные въ собраніи актовъ гр. Уваровой подъ №№ 36 и 37 [2]). Оба они относятся къ 1555 году (мартъ мѣсяцъ) и касаются сборовъ ямскихъ и приметныхъ денегъ съ владѣній Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря (въ Романовѣ № 36, Бѣлоозерѣ № 37). По челобитной игумена этого монастыря Симеона указанные платежи (ямскія и приметныя деньги) дозволяется Кирилло-Бѣлозерскому монастырю вносить на Москвѣ въ Большой Приходъ дьяку Угриму Львову.

„И нам бы игумена Семиона з братею пожаловати велѣти своих монастырских сел и деревень вперед имати ямские и приметные денги *у своеи казны на Москвѣ в Болшеи Приход*; и мы велѣли вперед с монастырских сел и деревень имати ямские и приметные денги на Москвѣ *в Болшеи в Приход дьяку своему Угриму Львову*“...

Е. Сташевскій

---

[1]) И. Я. Гурляндъ. Ямская Гоньба въ Моск. Гос., стр. 296.

[2]) Акты, собр. гр. Уваровой. изданы подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Перепечатанныя ниже двѣ земскихъ уставныхъ грамоты 16 в., равно какъ уставная грамота Устьянскимъ волостямъ Устюжскаго уѣзда отъ 1622 г. 8 сентября должны были войти въ предполагавшееся (въ 1865 г.) изданіе актовъ Н. В. Калачова. Мнѣ неизвѣстны причины, помѣшавшія окончанію этого изданія; фактъ тотъ, что оно осталось неоконченнымъ, да и то, что было напечатано (112 страницъ) въ научное обращеніе не поступило и носитъ скорѣе характеръ послѣдней корректуры. Между тѣмъ, грамоты, помѣщенныя здѣсь, принадлежатъ къ числу наиболѣе интересныхъ и рѣдкихъ. Для 15 и 16 вв. здѣсь имѣются: 1) жалованныя грамоты монастырямъ и на митрополичьи владѣнія въ количествѣ 10 (стр. 1—13, года 1426—1568), 2) грамоты приказнымъ людямъ относительно монастырей и ихъ крестьянъ—6 (стр. 13—17, года 1462—1541), 3) жалованныя грамоты частнымъ лицамъ—2 (стр. 17—18, года 1490, 1552), 4) жалованныя и уставныя грамоты обществамъ городскимъ, и волостнымъ—6 (стр. 18—32, года 1506—1595), 5) правыя—2 (стр. 35—45, года 1499—1521), 6) купчія—6 (стр. 50—54, года 1540—1580, 7) грамоты разнаго содержанія—20, (стр. 32—35, 45—50, 54—65; года 1432—1599), сюда относятся: грамоты послушныя, оберегательныя, закладныя, оброчныя, мѣновыя, указныя, грамоты городовымъ приказчикамъ, платежныя, послушныя, льготныя, отписка дворецкаго князя Ѳедора Хворостинина на Волокъ Замятнѣ Отрепьеву о невзысканіи съ крестьянъ монастырскаго села Буя-Города ямскихъ денегъ второго развода; грамота старостамъ... Глотовой Слободки о платежѣ Вымичами заемныхъ денегъ, выборъ въ ямскіе охотники и др.

Для 17 в.: 2 жалованныя грамоты Новгородскаго митрополита и Вологодскаго архіепископа дѣтямъ боярскимъ на помѣстье (стр. 66—68, года 1600, 1602), жалованная грамота Пенежанамъ, Кевролоцамъ, Чекольцамъ, Мезенцамъ и Пильегорцамъ на отправленіе разныхъ повинностей отдѣльно отъ Двинянъ и Холмогорцевъ, съ надбавкою оброка (стр. 68—74 годъ 1607); достойная спеціальнаго изслѣдованія серія (12 №№) жалованныхъ, указныхъ и уставныхъ грамотъ, данныхъ крестьянамъ Устьянскихъ волостей Устюжскаго и Тотемскаго уѣздовъ (стр. 74—98 года 1608—1639; изъ числа этихъ грамотъ ниже перепечатываемъ Уставную 1622 г.); 4 жалованныхъ грамоты: рыболовамъ деревень Трофимовой и др. отъ 1614 г, жалованная обѣльная крестьянамъ Обонежской пятины 1617 г., жалованная льготная тихвину м-ю 1617 г., жалованная рыболовамъ села Дѣдинова 1623 (неокончена) стр. 98—112.

Нѣкоторыя изъ предназначенныхъ въ составъ указаннаго сборника актовъ Н. В. Калачова грамотъ въ послѣднее время вновь (совершенно независимо отъ сборника) найдены и напечаны: см., напр. жалованную уставную грамоту Устьянскимъ волостямъ 1539 г., сообщенную М. М. Богословскимъ по списку Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ (прик. дѣла 1647, № 30 лл. 25—36) [1]).

Большинство же (если не всѣ) остальныхъ грамотъ остается неизвѣстнымъ. Поэтому, мы и нашли цѣлесообразнымъ перепечатать въ приложеніи къ настоящей статьѣ 3 уставныхъ земскихъ грамоты, число которыхъ не такъ велико, чтобы возможно было оставлять безъ вниманія вновь попадающіеся экземпляры этихъ грамотъ.

Что касается сборника актовъ Н. В. Калачова *въ его полномъ составѣ*, то нельзя не пожелать, чтобы онъ былъ въ скорѣйшемъ времени частью вновь перепечатанъ, *частью доизданъ*, такъ какъ по отрывочности корректурнаго оттиска, имѣвшагося въ нашемъ распоряженіи, можно допустить, что число грамотъ, предполагавшихся къ напечатанію и подобранныхъ для этой цѣли, было гораздо больше указаннаго нами выше.

---

[1]) Чтенія М. Общ. Ист. и Др. 1907 г. кн. 1 стр. 47—51; у Калачова по тому же (повидимому) списку стр. 19—25.

I. Стр. 25—28. *1555 августъ 11.*

Земская Уставная грамота посадскимъ людямъ Соли Переяславскіе (Переяславскаго уѣзда).

Се язъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи, пожаловалъ есми въ Переяславскомъ уѣздѣ у Соли у Переяславскіе посадскихъ людей Ондрюшу Михайлова сына Орѣшникова, да Филиппа Лукьянова, да Ивана Степанова и всѣхъ Усольцевъ Переяславскіе Соли посадскихъ крестьянъ лутчихъ и среднихъ и молодчихъ людей, которые судомъ и кормомъ подданы Усольскимъ волостелемъ: что напередъ сего жаловалъ есмя бояръ своихъ и князей и дѣтей боярскихъ, городы и волости давали имъ въ кормленья, и намъ отъ крестьянъ челобитья великіе и докука безпрестанная, что намѣстники наши и волостели, и праведчики и ихъ пошлинные люди сверхъ нашего жалованья указу, чинятъ имъ продажи и убытки великіе; а отъ намѣстниковъ и отъ волостелей и отъ праведчиковъ, и отъ ихъ пошлинныхъ людей намъ докука и челобитья многія, что имъ посадскіе и волостные люди подъ судъ и на поруки не даютца и кормовъ имъ не платятъ и ихъ бьютъ, и въ томъ межъ ихъ поклепы и тяжбы были великія, да отъ того на посадѣ многіе крестьянскіе дворы и въ уѣздѣ деревни и дворы, позапустѣли и наши дани, оброки сходятся не сполна. И мы, жалуичи крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ намѣстниковъ и волостелей и праведчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили, а за намѣстничи и за волостелины и за праведчиковы доходы и за присудъ и за ихъ пошлинныхъ людей пошлины велѣли есмя посадскихъ и волостныхъ крестьянъ пооброчить деньгами того для, чтобъ крестьянству продажъ и убытковъ не было, и намъ бы отъ нихъ на намѣстниковъ и на волостелей и на праведчиковъ и отъ намѣстниковъ и отъ волостелей и отъ праведчиковъ на посадскихъ и на волостныхъ людей челобитья и докуки не было, а посады бы и волости отъ того не пустѣли; и велѣли есмя во всѣхъ городѣхъ и въ станѣхъ и волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити, и намѣстничи и волостелины и праведчиковы доходы сбирать и къ намъ на срокъ привозити, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею, отъ которыхъ бы имъ продажъ и убытковъ и обиды не было, и разсудить бы ихъ умѣли въ правду безпосульно и безволокитно, а за намѣстничей бы доходъ

оброкъ собрать умѣли и къ нашей бы казнѣ на срокъ привозили безъ недобору. И Усольцы Переяславскія Соли посадскіе люди лутчіе и середніе и молодчіе и всѣ крестьяне межъ себя выбрали излюбленнаго, старосту Бориса Лаврова, да и списокъ излюбленный. за своими руками, къ намъ прислали. И мы того ихъ излюбленнаго судью велѣли и къ цѣлованью привести, что ему посадскихъ и волостныхъ людей судить и управа чинить по судебнику и по уставной грамотѣ, какъ есми уложили о судѣ во всей землѣ, обыскивая въ правду, по нашему крѣстному цѣлованью, безпосульно и безволокитно; а кто у нихъ у Соли Переславскіе на посадѣ пріѣзжихъ людей изъ иныхъ городовъ у посадскаго или у волостнаго человѣка у Переславца, или Переславецъ у иногородца у пріѣзжаго или у проѣзжаго человѣка познаетъ поличное свое, лошадь или платно или иное что-нибудь, и имъ въ томъ, на тѣхъ людей пристава давати и управа межъ ихъ чинити по судебникужъ и по уставной грамотѣ, обыскивая въ правду, по нашему крестному цѣлованью, чтобъ тѣ дѣла были небезуправны; а другу имъ и роду своему и племени въ судѣ не норовити; а недругу не мстить, и посуловъ и поминковъ не имать ни у кого ни отъ чего, никоторыми дѣлы, итого имъ беречи и сыскивати накрѣпко, чтобъ у ищеи поклепу и ябедничества и у отвѣтчиковъ запиранья не было, никоторыми дѣлы; а кто учнетъ передъ ними искати съ поклеповъ или какимъ будь ябедничествомъ и уличатъ его добрыми людьми, и имъ того сыскавъ обвинити и безъ докладу; а пошлинъ имъ съ судныхъ дѣлъ не имати никоторыхъ; а въ чемъ имъ будетъ управить невозможно, и имъ въ томъ суда своего списки и обоихъ истцевъ присылать къ докладу на Москву къ нашимъ казначеемъ, къ Ѳедору Ивановичу Сукину, да къ Хозяину Юрьевичу Тютину, да къ дьяку нашему къ Угриму Львову, и они имъ указъ чинятъ безволокитно, и списки подписываютъ безпошлино. А въ разбойныхъ дѣлѣхъ городскихъ и волостныхъ людей судити ихъ и управливати губнымъ старостамъ по ихъ губнымъ уставнымъ грамотамъ и по наказнымъ спискамъ. А цѣловалникомъ, кому у нихъ сидѣти въ судѣ и на розсылкѣ быть и дьяка земскаго, кому у нихъ судныя дѣла писати, старостѣ Борису Лаврову и всѣмъ Усольцомъ Переславскіе Соли посадскимъ лутчимъ и середнимъ и молодчимъ людемъ выбрать имъ у себя у Соли у Переславскія, кого межъ себя излюбятъ всѣ Усольцы посадскіе люди, кому бы у нихъ мочно съ выборными старостами въ

судѣ быти, изъ Усольцевъ же Переславскія Соли изъ посадскихъ въ цѣловальники двухъ человѣкъ, да дьячка земскаго, да одного человѣка, кому у нихъ на поруки давати и на судѣ ставити, да къ цѣлованью ихъ у себя привести по записи, какова имъ запись дана; а кого выберутъ въ цѣловальники и дьяка земскаго и кому у нихъ на поруки давать, и старостѣ Борису Лаврову и всѣмъ Усольцомъ Переславскія Соли посадскимъ лучшимъ и середнимъ и молодчимъ людемъ тѣхъ цѣловальниковъ излюбленныхъ и діака земскаго и кому у нихъ на поруки давати имяна написати на списокъ, да къ тому имъ излюбленному списку руки свои приложити, а которые грамотѣ не умѣютъ, и въ ихъ мѣсто отцемъ ихъ духовнымъ къ тому списку руки свои приложити, да тотъ имъ списокъ прислать на Москву къ дьяку нашему къ Угриму Львову. А оброкъ есмя за волостелины доходы и за присудъ и за всѣхъ волостелиныхъ пошлинныхъ людей пошлины, опричь мыта сухово, на Усольцевъ Переславскія Соли, на всѣхъ посадскихъ людей, которые судомъ и кормомъ даны были Усольскимъ волостелемъ, велѣли положити на годъ деньгами по четырнадцати рублевъ, да пошлинъ съ того оброку съ рубля по два алтына; а платить имъ тотъ оброкъ и съ пошлиною въ нашу казну на Москвѣ къ дьяку нашему Угриму Львову въ году на два срока по половинамъ, въ первые половина того годового оброку семь рублевъ съ Ильина дня лѣта 7063 дати имъ на Крещеніе Христово лѣта 7064, а другая половина того годового оброку дати имъ съ Крещенія Христова на Ильинъ день лѣта 7064; а дьяки наши тотъ оброкъ емлютъ у нихъ безпосульно и съ Москвы ихъ отпускаютъ безволокитно; а сбирать имъ тотъ оброкъ со всего своего присуда по животомъ и по промысломъ, что иные тягли межъ себя разводятъ, а лишка имъ въ разводѣ того тягла на дворы ни на чьѣ оброкъ не прибавливати никоторыми дѣлы. А учнутъ тѣ выборные Старосты и цѣловальники судити непрямо, и другу въ судѣ учнутъ норовити, а недругу мстити, и посулы и поминки имати и нашего царскаго и земскаго дѣла, по нашему крестному цѣлованью, не учнутъ беречи и правити по нашему уложенію, и учинитця на кого лихо хитростью или небреженіемъ, а доведутъ на нихъ и уличатъ ихъ въ томъ, и тѣхъ судей и цѣловальниковъ казнити смертною казнію безъ опросу, а животы ихъ статки взяти даромъ, и дати истцемъ, а досталь тѣмъ людямъ, кто на нихъ доведетъ; а учнутъ тѣ выборные судьи судити и управу межъ крестьянства чинити

прямо по нашему уложенью, по судебнику и по уставной грамотѣ, безволокитно и безпосульно, и оброкъ за волостелины доходы сбирать и къ намъ на срокъ привозити сполна, и впредь только намъ и землѣ управа ихъ будетъ любо, и мы съ ихъ дворовъ и съ вытей, что за ними пашни, пошлинъ и податей всякихъ имать не велимъ, да и сверхъ того ихъ пожалуемъ. Дана грамота на Москвѣ, лѣта 7063 августа въ 11день. Подлинная великаго государя грамота, за красною вислою печатью, писана въ цѣлые листы. У той же подлинной великаго государя грамоты назади написано: царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи. Припись по склейкамъ діака Угрима Львова.

Сообщена въ копіи священникомъ А. Свирѣлинымъ.

II стр. 28—30, *1556, Мая 24.*

Земская уставная грамота крестьянамъ Устьянской волости (Устюжскаго у.)

Отъ царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Русіи, въ Устюжской уѣздъ въ волость Усть и въ Заечью рѣку старостамъ, и соцкимъ, и бегоулемъ, и десятцкимъ, и всѣмъ крестьяномъ моимъ царя и великого князя черными и оброчными, и владычнимъ, и монастырьскимъ и всѣмъ безъ имены чей кто нибудь. Что наше жалованья городы и волости въ кормленьяхъ за намѣсники и за волостели, и намъ о всемъ челобитья и докука безпрестанная, что наши намѣсники и волостели и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего жалованья указу, чинятъ вамъ продажи и убытки великіе, а намѣсники и волостели намъ бьютъ челомъ, что имъ многіе люди подъ судъ и на поруки не даютца и кормовъ имъ не платятъ, и въ томъ межъ вами поклепы и тяжбы живутъ великіе; и мы васъ жалуичи, для тѣхъ вашихъ продажъ и убытковъ, всѣ кормленья городы и волости за намѣсничи и за волостелины доходы и за ихъ пошлинныхъ людей поборы велѣли васъ пооброчить деньгами а намѣсникомъ и волостелемъ впередъ у насъ (sic., васъ) не быти, чтобъ вамъ отъ нашихъ намѣсниковъ и отъ волостелей и отъ ихъ пошлинныхъ людей продажъ и убытковъ не было, а намъ бы въ томъ отъ васъ на намѣсниковъ и отъ намѣсниковъ на васъ челобитья и докуки не было; и велѣли есмя во всѣхъ городѣхъ и въ волостѣхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ вами управа чинити и волостелины доходы сбирати и къ намъ на срокъ

привозити, которыхъ вы старосты и сотцкіе и бегоули и десятцкіе и всѣ крестьяне излюбите и выберете всею землею, отъ которыхъ бы вамъ продажи и убытковъ не было. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбъ старосты и сотцкіе и бегоули и десятцкіе и всѣ крестьяне лутчіе и средніе и молотчіе выбрали межъ себя изъ волости человѣка три или четыре сверстныхъ лутчихъ людей, которые бы душею прямы и межъ вами разсудити и управу чинити и волостелины доходы собрати умѣли и къ намъ бы на срокъ привозили, продажъ бы и убытковъ вамъ отъ нихъ не было никоторыхъ; да которыхъ людей выберете, и выбъ тѣхъ людей имена написали на списокъ, а къ тому бы списку вы старосты и сотцкіе и десятцкіе и всѣ крестьяне, которые грамотѣ умѣютъ руки свои приклали а которые грамотѣ не умѣютъ, и въ тѣхъ бы людей мѣсто къ тому списку руки приклали отцы ихъ духовные, да тотъ бы естя излюбленной списокъ за своими руками, и тѣхъ людей, которыхъ въ старосты выберете, прислали къ намъ на Москву, на Покровъ святей Богородицы, лѣта 7064, одноконечно безо всякаго переводу, а пріѣхавъ бы къ Москвѣ, тѣ ваши излюбленные головы явились и тотъ излюбленной списокъ отдали діаку нашему Угриму Львову, мы васъ за волостелины кормы и за присудъ и за ихъ поплинныхъ людей поборы и за всѣ волостелины доходы велимъ пооброчити денгами, и къ цѣлованью тѣхъ вашихъ излюбленныхъ старостъ велимъ привести, что имъ волостелины доходы сбирати сполна и управа межъ вами чинити вправду, по нашему крестному цѣлованью, и другу въ судѣ не норовити и не дружити, а недругу не мстити,, и посуловъ и поминковъ не имати ни у кого ни отъ чего никоторыми дѣлы, и наказы тому, какъ имъ межъ вами управа чинити, и уставную и оброчную грамоту имъ дать велимъ; а какъ тѣ ваши излюбленные старосты учнутъ тѣ оброки за волостелины доходы къ Москвѣ привозити, и мы у нихъ тѣ оброки велѣли имати безпосулно и безпоминочно, и о всемъ ихъ велѣли есмя управливати и докладовъ ихъ слушати казначеемъ своимъ Ѳедору Ивановичу Сукину, да Хозяину Юрьевичу Тютину, да дьяку своему Угриму Львову. И выбъ, по сей нашей грамотѣ, тѣхъ излюбленыхъ старостъ одноконечно часа того выбрали безъ ослушанья и къ намъ ихъ на Москву прислали къ Покрову лѣта 7064; а учнете ослушатися, тѣхъ старостъ не выберетѣ часа того и къ намъ ихъ и имянъ ихъ списка, за своими руками, на срокъ на Покровъ не пришлете, и вамъ быти отъ меня

царя и великаго князя въ великой продажѣ и въ казни; а доколѣ тѣхъ старостъ выберете и къ намъ ихъ пришлете и доколѣ мы ихъ съ наказы и съ грамотою уставною и оброчною съ Москвы отпустимъ, и выбъ до тѣхъ мѣстъ нашимъ волостелемъ и ихъ тіуномъ на поруки и подъ судъ давалися и доходы ихъ платили имъ безъ ослушанья, по указу. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7064 маія въ 24 день. А назади у государевы грамоты препись діака Угрима Львова.

Списокъ половины XVII., писанъ столбцемъ, на четырехъ листкахъ. Наоборотъ по склейкамъ, и скрѣпа: діакъ Мина Гря(зевъ).— Хранится въ Моск. Главномъ Архивѣ. Мин. Иностр. дѣлъ.

III. стр. 87—91

1622. Сентября 8. Уставная грамота крестьянамъ Устьянскихъ волостей Устюжскаго уѣзда.

Божіею милостію, мы великій государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ, и отецъ нашъ великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичь Московскій и всеа Русіи, пожаловали есьмя Усьи и Заечьи рѣки волостныхъ крестьянъ Пьянка Агафонова, да Іевка Дуракова, да Сенку Карпова и всѣхъ Устьянскихъ волостей крестьянъ лутчихъ и среднихъ и молотчихъ людей. Что они намъ били челомъ, а сказали: въ прежнихъ де годѣхъ, до Московского разоренья, у нихъ въ Устьянскихъ волостяхъ приказныхъ людей не бывало а судили ихъ мірскіе выборные судейки, а послѣ де Московскаго разоренья, какъ почели у нихъ быти приказщики, и имъ де отъ тѣхъ приказщиковъ чинятца, налоги и убытки и въ посулахъ и въ кормѣхъ продажи великіе, и отъ тѣхъ приказщиковыхъ налогъ и насилствъ и отъ посуловъ они крестьяне оскудѣли и наши(хъ) податей платить имъ нечѣмъ и хотятъ брести врознь; и намъ бы ихъ пожаловать, въ Устьянскихъ волостяхъ впередъ приказщикомъ быть не велѣти, а велѣти бъ у нихъ быть мірскимъ выборнымъ судейкамъ по прежнему, а зато бы ихъ оброкомъ обложити сверхъ старого оброку, чѣмъ мы ихъ пожалуемъ, чтобъ имъ отъ приказщиковыхъ насилствъ и отъ посуловъ отъ продажъ въ конецъ не погинуть и розно не разбрестися. И мы, жалуючи крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, приказщиковъ отъ городовъ и волостей отставили,

а за приказщиковы доходы за присудъ и за ихъ пошлинныхъ людей пошлины велѣли есмя посадскихъ и волостныхъ крестьянъ пооброчить деньгами, чтобъ крестьянству продажъ и убытковъ не было, а посадъ бы и волости отъ того не пустѣли, и велѣли есмя во всѣхъ городѣхъ и въ станѣхъ и въ волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити и наши всякіе доходы сбирати и къ намъ на срокъ привозити, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею отъ которыхъ бы имъ продажъ и убытковъ и обиды не было, и розсудити бы ихъ умѣли въ правду, безпосулно и безволокитно, и нашъ бы оброкъ собрать умѣли, и нашу бы казну на срокъ привозили безъ недобору; а выбирати имъ межъ себя Устьянскихъ волостей крестьяномъ лутчимъ и среднимъ и молотчимъ людемъ, кому межъ ихъ управа чинити и наши доходы сбирати и къ намъ на срокъ привозити, изъ волостныхъ крестьянъ лутчихъ людей изъ Усецкіе волости дву человѣкъ, а изъ Чедермскіе волости дву жъ человѣкъ, изъ Чюшевицкіе волости двужъ человѣкъ, а изъ Пѣжемскіе волости дву жъ человѣкъ изъ Ростовскіе волости двужъ человѣкъ да и списки излюбленые имяни ихъ за своими руками, къ намъ присылати, и мы тѣхъ ихъ излюбленныхъ судей велимъ и къ цѣлованью привести, что имъ Устьянскихъ волостныхъ людей судити и управа чинити по судебнику и по уставной громотѣ, какъ есмя уложили о судѣ во всей землѣ, обыскивая въ правду, по нашему крестнему цѣлованью, безпосулно и безволокитно.

А кто у нихъ въ Устянскихъ волостяхъ пріѣзжихъ людей изъ иныхъ городовъ у волоснаго человѣка или волосной человѣкъ у иногородца пріѣзжего или у проѣзжего человѣка познаетъ полишное свос лощедь или платно или иное что нибудь, и имъ въ томъ на тѣхъ людей пристава давати и управа межъ ими чинити по судебнику жъ и по уставной грамотѣ обыскивая въ правду, по нашему крестному цѣлованью, а другу имъ и роду своему и племяни въ судѣ не норовити, а недругу не мстити, и посуловъ и поминковъ не имати не у кого ни отъ чего никоторыми дѣлы, и того имъ беречи и сыскивати накрѣпко, чтобъ у ищей поклепу и ябедничества и у отвѣчиковъ запиранья не было никоторыми дѣлы; а кто учнетъ передъ ними искать поклепомъ или какимъ нибудь ябедничествомъ и уличать его добрыми людми, и имъ того сыскавъ обвинити и безъ докладу; а пошлинъ имъ съ судныхъ дѣлъ не имати никоторыхъ; а въ чемъ

будетъ имъ управы учинити невозможно, и имъ въ томъ суда своего списки и обоихъ исцевъ присылати къ докладу къ Москвѣ въ Устюжскую Четверть къ дьякомъ нашимъ, кто будетъ въ Устюжской Четверти, и имъ указъ учинятъ безволокитно, и списки подписываютъ безпошлинно. А въ разбойныхъ дѣлехъ волостныхъ людей судити ихъ и управливати губнымъ старостамъ, по ихъ губнымъ уставнымъ грамотамъ и по наказнымъ спискамъ. А цѣловальниковъ, кому у нихъ въ судѣ сидѣти и на розсылкѣ быти, и дьячковъ земскихъ, кому у нихъ судные дѣла писати, и въ довотчиковъ мѣсто, кому у нихъ на поруки давати и на судъ ставити, всѣмъ Устьянскихъ волостей крестьяномъ лутчимъ и среднимъ и молотчимъ людемъ выбрати у себя въ волостяхъ кого межъ себя излюбятъ всѣ волосные люди, комубъ у нихъ мочно съ выборными людми старостами въ тѣхъ волостяхъ въ судѣ быти, тѣхъ же волостей изъ волосныхъ людей въ цѣловальники изъ волости по два человѣка, да подьячку земскому, да въ доводчиковъ мѣсто, кому у нихъ на поруки давати, по одному человѣку, да и къ цѣлованію ихъ у себя въ волостяхъ привести по записи, какова имъ запись дана; а кого выберутъ въ цѣловалники и дьячковъ земскихъ и въ довотчиковъ мѣсто, кому у нихъ и поруки давати, и имъ тѣхъ людей имена написати на спискѣ да къ тѣмъ имъ излюбленнымъ спискомъ руки свои приложити, а которые грамотѣ не умѣютъ, и въ ихъ мѣсто отцемъ ихъ духовнымъ къ тѣмъ спискамъ руки свои приложити, да тѣ имъ излюбленные списки прислати къ Москвѣ въ Устюжскую Четверть къ дьякомъ нашимъ, которые въ Устюжской Чети будутъ. А съ Устьянскихъ со всѣхъ волостей нашихъ четвертныхъ данныхъ и оброчныхъ окладныхъ доходовъ и за приказщиковъ за всякой доходъ по памяти, за приписью діяка нашего Михайла Смывалова, 130 году, было по окладу восмь сотъ пятьдесятъ пять рублевъ и девятнадцать алтынъ; да нынѣ по челобитью Устьянскихъ волостей крестьянъ Пьянка Агафонова съ товарыщи, за тѣжъ приказчиковы доходы, что мы ихъ устьянскихъ волостей крестьянъ пожаловали, приказщикомъ въ тѣхъ волостяхъ у нихъ впередъ быти не велѣли, положено давати имъ крестьяномъ по сту по сороку по четыре рубли по четырнадцати алтынъ по двѣ денги, и обоего съ Устьянскихъ волостей нашихъ четвертныхъ данныхъ и оброчныхъ окладныхъ доходовъ и за приказщиковъ и за всякой доходъ давати крестьяномъ по тысечѣ рублевъ на годъ, опричь хлѣбныхъ запасовъ; а платить имъ тотъ годовой

оброкъ въ нашу казну на Москвѣ въ Устюжскую Четверть дьякомъ нашимъ въ году на одинъ срокъ, зимѣ, на Стрѣтеньевъ день; а дьяки наши тотъ оброкъ емлютъ у нихъ безпосулно и съ Москвы спущаютъ безволокитно; а сбирати имъ тотъ годовой оброкъ со всего своего присуда съ Устьянскихъ волостей по животомъ и по промысломъ, какъ иные тягли межъ себя розводятъ, а лишка имъ въ разводѣ того тягла на деревни ни на чьи оброковъ не прибавливати никоторыми дѣлы. А учнуть тѣ выборные люди старосты и цѣловальники судити непрямо, и другу учнуть въ судѣ норовить а недругу мстить, и посулы и поминки имати, и нашего царскаго и земского дѣла, по нашему крестному цѣлованью, не учнутъ беречи и правити по нашему уложенью, и учинитца каково лихо ихъ хитростью или небреженьемъ, и въ томъ на нихъ доведутъ или уличатъ, и тѣхъ судей и цѣловальниковъ велитъ государь казнити смертною казнью, а животы ихъ и статки велитъ взяти да роздати исцомъ, а досталь тѣмъ людемъ, кто на нихъ доведетъ; а учнутъ тѣ выборные судьи судити и управа межъ крестьянства чинити прямо по нашему уложенью и по судебнику и по уставной грамотѣ, безволокитно и безпосулно, и наши оброчные денги сбирати и къ намъ къ Москвѣ на срокъ привозити сполна, и впередъ только намъ и землѣ управа ихъ будетъ люба, и мы съ ихъ деревень, что за ними пашни, пошлинъ и податей всякихъ имати не велимъ, да и сверхъ того ихъ пожалуемъ.

Дана ся наша царская жалованная грамота въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7131 сентября въ 8 день. А подписалъ государя царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича, всеа Русіи самодержца, діакъ Петръ Микулинъ. А назади у грамоты написано: царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ, всеа Русіи самодержецъ. Да назади жъ у грамоты подписано: лѣта 7155 апрѣля въ 9 день великій государь царь и великій князь Алексей Михайловичь, всеа Русіи, сеѣ жаловалные грамоты отца своего государева, блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи самодержца, и дѣда своего государева, блаженные памяти великого государя, святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи слушавъ, Устьянскихъ волостей земскихъ судеекъ и старость и цѣловальниковъ и всѣхъ крестьянъ пожаловалъ, велѣлъ имъ сю жаловалную грамоту подписати на свое государево царево и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Руссіи имя и

во всемъ велѣлъ дѣлать по тому, какъ въ сей жаловалной грамотѣ отца его государева, блаженные памяти великого государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, и дѣда его государева, блаженные жъ памяти великого государя, святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи, указано, опричь всякихъ своихъ государевыхъ четвертныхъ денежныхъ доходовъ, оброчныхъ и данныхъ денегъ, и за Сибирскій запасъ, и за приказщиковъ доходъ, и стрѣлецкихъ денегъ; а оброчные всякіе свои государевы денежные доходы указалъ государь имъ платить противъ нынѣшнего своего государева указу и противъ виписки, за помѣтою думного діака Михайла Волошенинова нынѣшняго 155 году, по новымъ писцовымъ книгамъ Ивана Загрязскаго да подъячего Тимофея Семенова, и стрѣлецкіе денги съ сошнаго писма противъ тѣхъ же писцовыхъ книгъ и противъ сотныхъ, каковы сотные имъ съ тѣхъ писцовыхъ книгъ даны будутъ; а данные денги платить имъ противъ нынѣшняго государева указу всѣхъ волостей крестьяномъ ровно съ выти по полтинѣ, потому что въ Устьянскихъ волостяхъ данные денги положены были неровно; а за приказщиковъ доходъ и за Сибирской запасъ денги указалъ государь имъ платить по прежнему указу блаженные памяти отца своего государева великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, почему съ нихъ наперед сего за Сибирской запасъ и за приказщиковъ доходъ денегъ имано и по нынѣшней по 155 годъ, безъ прибавки. А подписалъ государеву жаловалную грамоту великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Русіи самодержца...

Современный списокъ писанъ столбцемъ, на десяти листкахъ. Въ заглавіи грамоты, тѣмъ-же почеркомъ, означено: Списки съ государевыхъ жаловалныхъ грамотъ, каковы даваны Устьянскихъ волостей крестьяномъ, а списаны тѣ списки съ подлинныхъ грамотъ въ Устюжской Четверти, а подлинные грамоты справя, отданы имъ назадъ. *По склейкамъ, на оборотѣ:* діакъ Мина Грязевъ. *Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. дѣлъ.*